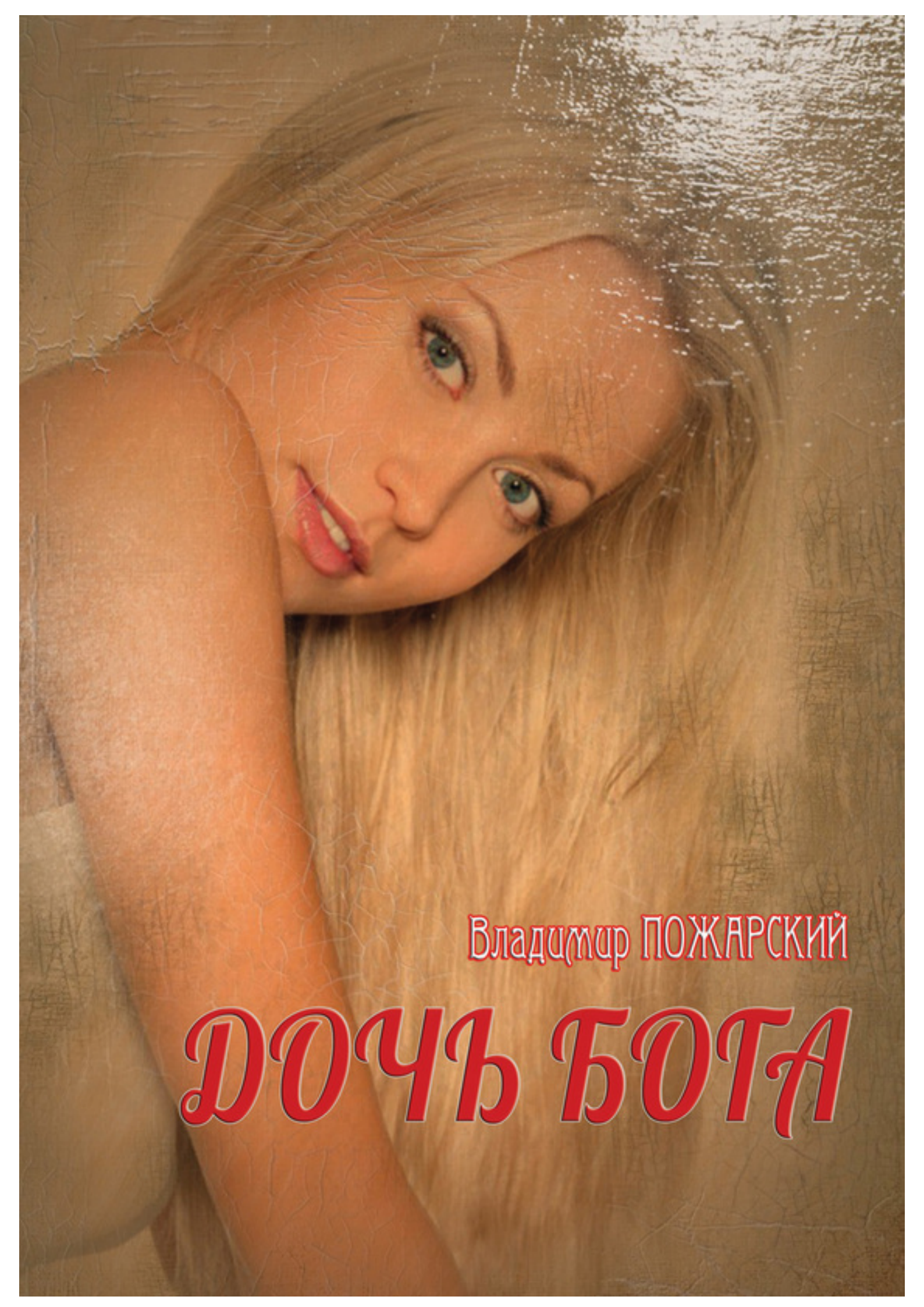

Владимир ПОЖАРСКИЙ

ДОЧЬ БОГА

Владимир Пожарский

Дочь Бога

«Литературная Республика»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Пожарский В.

Дочь Бога / В. Пожарский — «Литературная Республика»,
2017

ISBN 978-5-7949-0610-3

Дорогой читатель, я просто обязан тебя предупредить. Через пару мгновений, как только перевернёшь последнюю страницу романа «ДОЧЬ БОГА», ты примешься читать его с самого начала, чтобы подольше не расставаться с любимыми героями и героинями.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-7949-0610-3

© Пожарский В., 2017
© Литературная Республика, 2017

Содержание

Первая глава	6
Вторая глава	9
Третья глава	13
Четвертая глава	16
Пятая глава	19
Шестая глава	22
Седьмая глава	26
Восьмая глава	31
Девятая глава	34
Десятая глава	37
Одиннадцатая глава	40
Двенадцатая глава	42
Тринадцатая глава	45
Четырнадцатая глава	46
Пятнадцатая глава	48
Шестнадцатая глава	52
Семнадцатая глава	55
Восемнадцатая глава	59
Девятнадцатая глава	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Владимир Пожарский

Дочь Бога

© Пожарский В., 2017

© Московская городская организация Союза писателей России, 2017

© НП «Литературная Республика», 2017

Первая глава

Она снова приснилась ему. Близкая, единственная, волшебная. Бело-золотые волосы, как облака с солнцем. Удивительно яркие голубые глаза. Мягкие живые губы. Теплые ладони. Ладони. И даже открыв глаза, он продолжал ощущать невесомость своего тела, необычайную легкость. Словно он до сих пор, как во сне, парит вместе с ней над неведомой ему землей. Её землей. Только её рядом уже не было.

Он боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть эхо сна. Старался вспомнить каждую мелочь, каждое произнесенное слово своей ночной феи. Ведь она много чего-то рассказала ему, пока он летал вместе с ней, совершенно не размахивая руками подобно птице, как это не раз бывало в далеких детских и юношеских снах, а лишь силой мысли, направляя себя туда, куда хочется. Да и как можно размахивать руками, если ты сжимаешь её теплую ладонь?! Он видел большие города с синими и белыми дворцами, леса, дороги, квадратики полей. Почему-то совсем не ощущалось ветра и не слышалось никаких звуков, кроме её голоса. Он вспомнил, что не заметил внизу ни одного человека. Ни одной домашней или дикой зверушки, хотя там был ясный день.

Как же зовут девушку-фею? Было имя, было. Это он помнил точно, но какое?

Зато он вспомнил формулу луча. Теперь он ясно видел, как сделать заветный аппарат.

– Володька, ты – гений! – шепотом крикнул он и бросился к письменному столу, к ручке и бумаге.

Закончив записывать, Владимир Рощин откинулся на спинку стула и заулыбался. Сейчас он точно знал, как читать деревья.

Верткая, ускользающая мысль – снимать информацию со стволов – появилась у него еще на службе в армии, когда он с приятелем на спор считал годовые кольца на пеньках. Когда попадались особенно толстые, он представлял себе, что могло происходить вокруг ещё живого дерева сто или двести лет назад. А ель, сосна или дуб все это видели, а, значит, помнили. Так как же разбудить их память? Кругляши срезов удивительно напоминали лазерные диски – практически безразмерные хранилища картинок, звуков, текстов. Через год идея расшифровать память деревьев уже не выходила у Влада из головы.

Вернувшись без особых происшествий со службы, он уехал из родного города в Петербург, окончил там академию художеств и устроился в рекламную фирму – такового середнячка в городском бизнесе мягкого, но вязкого обмана. Должность Рощина предполагала житье в пропахшей блокадой квартире на Большом проспекте с готовой в утиль или в антикварную лавку мебелью. Имелась также чугунная дореволюционная ванна и мутная лампочка под потолком туалета. Наследники, покинувшей наш мир бабушки, Влада не беспокоили, предпочитая получать плату переводом на карточку. В конторе задумчивый художник придумывал плакаты, которые нравились заказчикам – чего еще надо?! А то, что он вечно весь в себе, никого не удивляло – понятно ведь, все творцы немного чокнутые.

* * *

Луч. Влад высчитывал его толщину, яркость, даже цвет и совершенно не учел на первых порах, что дерево видит одинаково хорошо и ночью, и днем. И температуру тоже изначально прозевал, а ведь она с лета до зимы скачет так, что мама не горюй. Ну, нет у деревьев одинаковых условий записи! Бывает, что одну сторону ствола занесет снегом, тогда изображения не увидишь, но звуки – пожалуйста, слушай. Но самое главное, что срез дерева – не диск. И считывать его нужно: не с плоскости, где годовые кольца, а прямо с глад-

кого, очищенного от коры ствола. Но как перенести на экран то, что видело дерево вокруг себя? Может брать лишь четвертинку кругляша? Тогда на своеобразном триптихе мониторов можно будет понять, что происходило, хотя бы с одной стороны на протяжении многих лет... Вопросов было много. Из второй практически пустой комнаты Роцин устроил лабораторию, куда стаскивал списанные на фирме компьютеры и ненужные друзьям видеомагнитофоны. Аппарат для чтения памяти был готов, но упорно не хотел работать. И неизвестно, сколько лет ушло бы на неудачные опыты, если бы не девушка во сне. Она точно сообщила все параметры луча и сказала, чтобы на пути лазера перед срезом дерева Влад поставил старую телевизионную линзу, пылящуюся в углу.

– Ну, естественно, – бормотал художник, протирая линзу, похожую на вогнутый аквариум. – Куда там диску до живой ткани! В одном зернышке – есть совершенно всё о будущем дереве! Вплоть до прожилок на каждом листочке... Увеличение, нужно увеличение – иначе не влезешь в память. А может, она имела в виду совсем другой эффект?

Осталось купить дистиллированную воду, наполнить линзу и включить аппарат. В комнате лежали готовые к просмотру срезы дубов, сосен, лип и прочих вязов с наклеенными бумажками: точное место в парке, сквере, на кладбище, стороны света и другие метки. Сначала Влад хотел найти клад, а уже потом спокойно заняться историей. Новенькая лопата из нержавеющей стали, отливая серебром, ждала в кладовке. Роцин вспомнил про нее, когда брился и пожалел, что не купил какую-нибудь невзрачную, потемнее. Ведь выкапывать сокровище придется ночью. «Ладно, – мысленно махнул он рукой. – Потом позаимствую в дворницкой. Кстати, и маленький ломик может пригодиться...»

* * *

Поцарапанная и лишь дождем умытая «Нива» обычно ждала своего хозяина неделю или две, до выходного, когда Влад выбирался куда-нибудь за очередным спилом. Но сегодня предстояло найти идеально прозрачную без всяких примесей воду. Нужно целых четыре литра, видимо, придется помотаться по аптекам. «Попробую на работе побыстрее оттрубить», – подумал Роцин, заводя двигатель. Выехав из тени насыпи над входом в блокадное бомбоубежище и подруливая к арке, он заметил приклеенный на столб белый лист. И по нему – черными буквами: «Пропала девочка 10-ти лет. Помогите!» Влад притормозил и посмотрел на фото. Хотя малышка там улыбалась, но его кольнуло: девочки нет в живых... «И еще одна...» – Влад утопил педаль газа и злой, как черт в коробочке, вылетел из арки на проспект.

* * *

Роцин машинально закончил эскиз рекламы какого-то банка и, отправив его на утверждение по электронной почте, принялся шарить по сети. Где же эта мертвая вода? В конце концов, созвонившись с несколькими аптеками, он выбрал ближайшую, по курсу работадом.

– Зачем тебе дистиллированная вода? – спросила новенькая секретарша директора, подойдя вплотную к столу Влада и состроив поразительно заинтересованный взгляд. Она случайно услышала его разговор по телефону, когда зашла в мастерскую. Кроме Роцина здесь творили еще два художника и текстовик, но у них в головах жили собственные тараканы – и друг друга расспросами они не донимали. Девушка же нетерпеливо зацвенькала длинными ноготками по пластику столешницы. Губки-бровки. Грудь-коленки. Дерзкие сладко-горькие духи. Запах слегка щипнул Владу кончик языка. Он облизнулся.словно клубника с перцем.

«А она – ничего так. Когда в три четверти поворачивается. Как же её звать-то?» – секундно мелькнуло у Рощина, вслух же он пошутил:

– Краски разводить. Ты разве не знаешь?!

– Точно-точно! Читала где-то, но забыла, – нашлась «ничего так». – Напиши заявку, отправим за водой курьера или закажем доставку.

– Да это мне для личных целей, – Влад поразился такой внимательности и заботе. – Акварелью я только дома бумагу пачкаю.

– Так уж и пачкаешь! – секретарша задорно мотнула русой челкой. – Хотелось бы мне посмотреть...

Рощин выдержал паузу, и девице волей неволей пришлось продолжать:

– Позвонили из банка по поводу твоего нового плаката. Их президент в восторге. Хочет то же самое, но уже в чистовом варианте. До конца недели успеешь?

– Ещё завтра и послезавтра... – прикинул художник. – Успею.

Высокие каблучки звонко уцокали. Влад проводил свежие икры взглядом. Но... не до них сейчас.

«Что же я там такое нарисовал? Даже самому интересно!» – Рощин щелкнул по иконке файла. Под обещанием «Мы утроим ваши деньги!» в причудливом беспорядке стояли раскрытые сундуки, ларцы и шкатулки. Золотые монеты переполняли их и убедительными тяжёлыми потоками текли на сверкающий пол.

Вторая глава

Именно кора дерева служит своеобразной видеокамерой и магнитофоном одновременно. Скорее всего, она чувствует, отражает и записывает на ствол и другие вещи, понятные человеку: силу ветра, температуру, окружающие запахи. Но как их прочесть?! Наверняка есть и совершенно неведомые людям параметры, ведь у дерева собственная система координат, чувств и образов. Глубже, глубже рвались мысли Влада. Куда-то в сторону от поиска клада. Вернее, не в сторону – его размышления просто перепрыгивали реальную возможность отыскать заветный сундучок, как что-то несущественное, и скакали дальше. Он хотел почти невозможного – познать все тайны этого конкретного мира. Живого и, как он уже сейчас ощущал, очень разумного мира деревьев.

Рощин уже полчаса на триптихе мониторов наблюдал то же самое, что видел дуб своей северной стороной перед тем, как его спилили. То, что он видел верхней частью пенька – с высоты полметра от земли. Дуб именно спилили, и, судя по одежде работников пилы и топора, это произошло лет двадцать назад. Через динамики раздавалась их раскатистая тарбарщина – разговор, да и все действие шли задом наперед, причем раза в три быстрее, чем в жизни. Влад, как на машине времени, уходил в прошлое. Изображение, почему-то было круглое и не влезало в экраны верхним и нижним краем. Чтобы видеть его целиком, надо еще два монитора, а всю конструкцию из экранов выстроить крестом – рассудил Рощин. Он пробовал уменьшать видеокруг, но появлялась какая-то муть и сплошной туман.

* * *

Влад записывал всё прочитанное в память компьютера, ведь тончайший, благодаря телелинзе, лазерный лучик, снимая информацию, прожигал невидимую дырочку вглубь кругляша – второй раз то же самое с него не посмотришь. Но Рощин и не собирался пересматривать этот бесконечный документальный фильм. Теперь он задумался об увеличении скорости записи и программе распознавания. Нет, не образов – действий. А именно – ковыряния в земле лопатой или чем-нибудь ещё. Клад-клад-клад! Чтобы не торчать перед экраном как прикованный, а выбирать только конкретные любопытные моменты.

– А если распиливать эту деревянную «таблетку» на две половинки и начинать расшифровывать от сердцевины ствола? – вслух размышлял Влад. – Тогда я сразу скакну в далекое прошлое, и всё будет идти, так как надо – в нормальной последовательности. Разговоры тотчас станут понятны. Не надо будет потом перекраивать запись. Кстати, тогда смогу настроить поиск и по ключевым словам. Обалдеть! Услышу настоящую древнеславянскую речь. И римскую. Любую! Лишь бы нашлось подходящее дерево. Найду! В какой-нибудь заброшенной деревеньке выберу избу постарее... Или попробовать икону? Или крест на забытой могиле? Или мебель? Сохранилась там память?

Не откладывая в дальний ящик, Рощин побежал в другую комнату и принес венский стул. В запале он оторвал от него ножку, соскоблил ножом остатки лакировки и поместил кусок бывшей мебели под невидимый, но наверняка светлый луч аппарата. Отложенная в сторону дубовая таблетка дожидалась своего часа.

– Интересно, где брали дерево для этого стула? – пробормотал Влад и спросил сам у себя: – В какой роще, товарищ Рощин?

На экране – чернота, в динамиках – молчание. Художник максимально прибавил звук. Послышалось быстрое сопение, шум ветра и громко «иеас!» А через секунду – «ма!» и частая глухая барабанная дробь. На экране мелькнула живописная тень.

– Так это ж кобыла! – воскликнул товарищ Роцин. – А что такое «иеас», мы мигом расшифруем!

Через десять минут на мониторе замигал значок, что исследование завершено и запись закончена. За все это время на экране удалось рассмотреть лишь густой кустарник и услышать в динамике крик «а-а!».

– Быстро мы со стулом закончили, – удовлетворенно хмыкнул Влад, заново включая, только что сделанную запись на замедленной скорости, добавив резкости и света.

Деревья, действительно, видят ночью, так же как и днем. С одним лишь условием – на небе должна быть луна или, чтобы её отблеск хоть на луже попадал в заветный круг. Или какая-нибудь свечка, фонарь и тому подобное. Тогда можно добавлять яркость и чёткость изображения практически до идеала. В сюжете, добытом из ножки старого стула, даже спичкой никто не чиркнул. Пришлось довольствоваться тем, что есть. Тем более что звук расшифровался великолепно, без лишних усилий. Судя по беготне и крикам: «Не сбежишь, скотина!», «Айда! Айда!» и «Мамочка!» – двое лихих людей преследовали свою жертву. Купца или помещика. Силуэт лошадиной головы один раз показался и пропал – всадника в седле не было. Значит, каким-то образом злодеи сшибли его с коня и догоняли пешим порядком. Завершающие погоню громкие удары с чавканьем говорили ясно – ночного всадника забили топорами или дубинами. На этом запись обрывалась.

– Убийство, – прошелестел Роцин. – Я стал свидетелем убийства, совершенного сто лет назад. Или двести... Лиц, кроме морды коня, не заметил, – видно эта «ножка» росла метра два над землей, но по голосам я бы опознал этих разбойников!

Он вдруг вспомнил увиденное еще утром объявление о пропаже девочки, подвинул к себе ноутбук и влез в мировую сеть. Уже среди первого десятка новостей Петербурга Влад увидел поминальное сообщение: «Тело несчастной полиция нашла в саду Патриотического женского института...»

– В саду! – шёпотом воскликнул Влад. – Это же здесь – на Большом, совсем недалеко! – Он дочитал заметку – насильник и убийца в розыске. План-перехват, как и всегда, ничего не дал.

Роцин хорошо знал это место. Почти полное каре невысоких солидных зданий на Большом проспекте с углов замыкала каменная ограда, а с одной длинной стороны чугунная решётка. До революции это, видимо, было приличным местом, а потом там поместили какой-то техникум, который, правда, Влад не застал. А застал он постоянную реконструкцию, ломку старого и неизменно мотающиеся по ветру листки ученических тетрадок и кипы отсыревших классных журналов в подвале полуразрушенной домово́й церкви. Еще в студенческие годы он иногда туда забредал вместе с однокурсниками из академии художеств. И с однокурсницами по весне тоже забредал. На этюды. Чугунную ограду какой-то деятель сразу после начала реконструкции увез к себе на дачу, поэтому тихое местечко для приятного времяпровождения стало доступно круглосуточно.

– Получается, что не только для приятного... – задумчиво сопел Роцин, прикидывая, как ему незаметно выпилить кусок дерева с места преступления. Не хочется сталкиваться с полицией раньше времени, да и с маньяками – тоже неохота. – Повод. Нужен железный повод... О-О-О! Типа, я – ботаник из лаборатории и беру анализы с деревьев на наличие клещей! Яиц клещей. Или чего там у них? Личинки? А, если застукают – потребуют документ? Хрен их знает?! След-то свежий – известно, что убийцы всегда возвращаются. Там и засада может быть... Да пошли они все! Возьму этюдник для отмазки, и мне сам черт – не брат! Только надо маленькую пилу завтра купить. Два часа ночи натикало, стало быть, уже сегодня. Спать надо...

* * *

На крутом берегу мощной мрачноватой реки высится нагромождение разновеликих плотно стоящих зданий с как-то очень неравномерно расположенными окнами. То кучно целый десяток, а то – голая кирпичная стена, Бог знает сколько, тянется. Потом опять пяток квадратиков блестят стеклами. Никакой логики Владу с низкого берега не разглядеть. Или это какой-то странный завод без труб, или заброшенный город. Конечно, интересно бы там полазить. По закоулкам. Всего-навсего через реку перебраться! Рощин слегка подпрыгнул и, легко оторвавшись от земли, полетел над тяжелыми непроницаемыми волнами. Сильный ветер гнал чёрную воду к откосу с городом-заводом. Влад скользил по воздуху, как научила гостя его снов, не размахивая руками-крыльями, а просто направляя свое тело туда, куда надо. Правда, сейчас, в одиночестве Рощин вытянул руки вперед, на манер пловца. Для скорости. Большая волна неожиданно чиркнула по ногам, и Влад резко ушел вверх. Даже чересчур резко. Он поднялся над зданиями метров на двести и теперь высматривал место для мягкой посадки. Оказалось, что в этом каменном скопище – много дворики – в один из них и приземлился Рощин. Огляделся по сторонам – ни души. «Оно и к лучшему», – подумал осторожный искатель приключений и направился к ближайшей арке, потому как ни единой двери в домах не было. Зато выдвижные деревянные ящики, как в шкафах и письменных столах, находились прямо в кирпичных стенах домов. Сотни, тысячи ящиков разного размера, и с разными ручками. Рощин потянул за бронзовый завиток. Ящик до краев забит драгоценностями. Влад даже растерялся: куда столько?! В руках и карманах не унести. Он вытянул наружу сияющее ожерелье: «Вот бы моей гостье подарить. Как же её зовут?»

«Ты же хочешь меня позвать. Так позови, и я приду, – услышал Влад её голос прямо внутри головы. – Поняла-поняла. Имя мое забыл. Я подскажу – Све...»

– Светла! – воскликнул Рощин, и то же мгновение рядом с ним появилась его великолепная фея.

– Теперь ты уже никогда не забудешь мое имя, – Светла положила руку Владу на плечо. – Даже, когда проснешься...

Рощин сиял похлеще, чем ожерелье:

– Я тут подарок для тебя нашел. Нравится? Давай я застегну...

Светла чутко, но небрежно пробежала пальчиками по изумрудам с сапфирами уже украшающими ее скромный наряд:

– Ты сильно удивишься, когда увидишь эту вещицу в следующий раз.

– Это произойдет тоже во сне?

– Надеюсь – наяву.

– Светла, так ты есть на самом деле?

– Да. Только ты должен найти меня... Я очень этого хочу.

– Адрес! Скажи быстрее адрес, пока я не проснулся!!!

– Адреса, в твоём понимании, у меня нет. Есть только координаты. Ты их узнаешь в свое время.

– Когда оно придет? – Рощин в нетерпении чуть ногой не топнул. – Сколько ждать?

– А ты и не ждешь – ты уже идешь ко мне. Пойми меня, Влад, я не смогу тебе прямо сейчас все рассказать. Поверь – не хочу тебе забивать голову лишним. Знай только, что я есть. Я – не сон...

– Светла, ты что – на другой планете?

– Нет-нет, – засмеялась девушка. – На Земле. Я буду тебе помогать, меня отец многому научил. И продолжает учить. Выдвини вон тот ящик...

– А кто твой отец? – спросил Рощин, с силой дернув за старинную черную ручку.

– Гермес Трисмегиста...

– Греческий бог?! – оторопел Влад.

– Нет, – улыбнулась Светла. – Не греческий. И не совсем Бог. Чуть-чуть ошибся. Правда, совсем чуть-чуть. Ты его ещё увидишь, а пока, пожалуйста, загляни в ящик.

В глубоком деревянном коробе лежал портфель-дипломат. Открыв его, Влад увидел аккуратно вделанную туда начинку компьютера с устройством для чтения памяти деревьев – он замечал знакомые платы, а в специальной кожаной ячейке – вроде бы, как мобильный телефон с большим экраном и дистанционный наушник. В одной из узких стенок кейса поблескивало круглое окошечко с линзой.

– Переносной аппарат! – выдохнул Рощин. – Я же...

– Думал о нем? Правда? – Светла обняла его за плечо. – Жаль только, что его нельзя отсюда вынести в явь. Ты бы его и так собрал, но лишний месяц дорого стоит. Сколько ещё девочек убьет тот негодяй! А с вашими властями связываться тебе ни к чему. Я не очень пока понимаю такие тонкости твоей страны. Может быть, и обойдется, но лучше – не играть с огнём. Не хочу, чтобы ты рисковал, выпиливая в том саду.

– Ты все мои мысли читаешь? Даже как-то...

– Нет. Не так. Слышу только то, что ты мне мысленно рассказываешь. Только то, что касается нас двоих. И больше ничего. Как в обычной жизни. Ну, примерно, как в обычной жизни. – Светла достала из открытого до сих пор ящичка с драгоценностями сверкающую шпильку-брошь в виде змейки и, подняв тяжелый платиновый шелк волос с плеч, заколола их на макушке. – Видишь, не могу себе отказать в естественных порывах покрасоваться перед тобой. Удаётся?

Влад быстро закивал головой, не отрывая восхищённого взгляда. Словно он хотел её всю проглотить глазами: легкие прозрачные мочки ушей, плавный полуoval подбородка, длинную линию шеи, тонкие ключицы, округлые плечи, ложбинку груди и снова полуoval. Он поразился этой почти мгновенной перемене не как мужчина, а как художник. Ведь, казалось бы, за время общения всмотрелся в её черты настолько, что мог бы с закрытыми глазами нарисовать портрет, но одно секундное мягкое колдовство с причёской – и она, оставаясь прежней, стала другой.

– Ты знаешь, сколько у меня вопросов к тебе? – наконец Рощин обрёл дар речи. – И вовсе не по поводу аппарата...

– Да. Как раз это я знаю прекрасно. Расскажу тебе всё на свете. Всё, что захочешь. А сейчас достань листок из бокового кармашка этого портфеля и постарайся запомнить основные цифры, особенно по линзе. Владик, ты уж меня извини, за того стеклянного монстра, что я тебе прошлой ночью посоветовала... Но для домашних условий он просто идеально подходит.

– Что ты, Светлочка! Еще неизвестно, сколько бы я бился, если б не ты! Я поцелую тебя...

Долгий поцелуй был без продолжения, хотя оно должно было случиться само собой. Даже во сне. Или тем более – во сне. Светла тихонечко развернула Влада вполоборота от себя и шепнула на ухо:

– Запоминай, пожалуйста, цифры. Я хочу всё это не только во сне...

Третья глава

«Я же совершенно ничего про неё не узнал, – корил себя Рошин, колдуя над переносным аппаратом, вернувшись с работы. – Какие координаты?! Надо было всё равно настоять на своём и узнать их! Если Светла на нашей планете, значит, я бы её нашел!»

Практически все детали для аппарата Влад выковырял из пары компьютеров и одного видеоманитофона – благо, этим добром был завален весь угол в комнате-лаборатории – бери, не хочу. Лишь нужную линзу пришлось поискать по ларькам, где торговали биноклями и подзорными трубами. Параметры Рошин запомнил и ещё утром записал в блокнот, но, доставать его из кармана не понадобилось. Когда он перебирал оптический товар и взял в руки очередной бинокль – мысленно спросил: «Светлочка, как же мне линзу измерить?! А купить весь этот лоток – пока финансы не позволяют...» И, вдруг, прямо в голове услышал голос своей феи: «Бери-бери этот, не надо его на пол ронять – дома спокойно разберешь». – «Мне, что – уже мерещится? – машинально подумал Влад. – Светла, ты здесь или нет?» – «Здесь, – беззлобно усмехнулась девушка. – Хочешь – докажу?» – «Конечно! Ведь это же чудо – разговаривать с тобой не только во сне!» – «Пожалуйста – слушай. Как зовут моего отца? Гермеса, ты, конечно, помнишь, а дальше, какое второе имя я назвала?» – «Когда ты волосы заколола, я вообще всё на свете забыл», – пробовал шутить Влад, всё еще не веря, что он разговаривает не сам с собой. – «Повторяю по слогам: Гермес Трис-ме-гис-та... Та-та-ТА-ТА-А! – торжественно-весело пропела Светла. – А теперь – покупай бинокль, который держишь!»

* * *

Да! Линза подошла. Влад проверил аппарат дома, играючи подойдя к древнему шифоньеру: в одной руке кейс, в другой немного исправленный им мобильник, работающий как пульт управления и принимающий изображение на экран. В ухе, естественно, микрофон. Кино было недолгим, но поразительно ярким и сочным, как «лесное» полотно Шишкина. Только вместо медведей среди бурелома сосновых выворотней развлекалась волчья семья.

Теперь Рошин мог спокойно отправляться в любой сад и не вызывать ни у кого лишних вопросов, как если бы он орудовал пилой. Но пока он возился со сборкой, наступила ночь. Не самое подходящее время для праздного шатающегося художника с дипломатом в руке. Влад завел будильник на шесть утра: «Сгоняю туда пораньше, а уже на работе спокойно посмотрю запись. Нужны-то всего последние сорок восемь часов».

Кстати, новая конструкция устройства увеличивала скорость чтения памяти в тысячу раз. По ходу дела Влад внес в плату кое-какие изменения, и аккумуляторы поставил мощнее, чем увидел в предложенной Светлой конструкции. Теперь, всего лишь на три минутки поставил у дерева кейс так, как надо – и последние двое суток в кармане. Почему-то Рошин был уверен, что сразу поймет – какой ствол ему просвечивать.

А теперь спать, спать! Пора на свидание.

* * *

– Какой ты молодец – аппарат работает! – Светла схватила голову Влада ладонями и звонко чмокнула в губы. – Вот это я понимаю – творческий подход! Ты всё ещё хочешь найти клад?

– Тебя я хочу найти! – Рощин щёлкнул пальцами и прямо из воздуха на земле появились два кресла с удобными мягкими подлокотниками. – Давай присядем на минутку. И поговорим спокойно...

– Давай. Владик, вижу, ты стал прекрасно ориентироваться в мире снов. Что пожелаешь, то и получаешь... – Светла, присела на краешек своего кресла и уперлась круглыми коленями в колени уже сидящего художника. – Вернёмся к кладу – его НАДО найти. И, скорее всего, понадобится не один скрытень, а несколько. погоди, не перебивай! Устройство, конечно, замечательное, но тут оно не поможет. Представь, сколько тебе понадобится времени, чтобы просмотреть хотя бы сто лет только одной стороны единственного дерева! Пусть даже за минуту ты сможешь считывать не двадцать часов, а целую неделю. Ты же быстро считаешь... Прикинул? И даже, если сделать программу, которая будет выдавать тебе при просмотре только нужные моменты, то все равно – это очень долго. Пройдет десять, двадцать, тридцать лет.

– Ты же сама говоришь, что НАДО найти клад. И даже не один, – развел Влад руками.

– Да-да! Чтобы меня найти тебе понадобится много золота, но добывать его будем не таким способом. Просто я тебе скажу, где оно лежит. Без всяких деревьев. Пойдешь и возьмёшь его. Очень аккуратно, чтобы никто не заметил...

– Кто же его для меня положил?!

– Мой папа. Он предвидел, что понадобятся немалые деньги для моего вызволения, и в своё время сделал некоторый запас. А маньяка, который убил девочку, надо обязательно наказать – вот тут аппарат незаменим. Сделай запись и отправь её вашим стражникам, только себя не выдавай.

Влад, не шелохнувшись, внимал прекрасной девушке: «Вызволения? Откуда?! Почему она сказала «стражники», а не полиция?»

Светла услышала его мысленные вопросы:

– Полиция или стражники, – какая разница?! Милый мой, говори вслух. Ну, если желаешь – думай – я всё равно отвечу. Я и в плену, и не в плену. Нет, не у людей. Пока мне никто ничего плохого сделать не может, но поторопиться надо не только потому, что «пока не может», а для нас двоих. Время идёт быстро, и пока я неосязаемая – не смогу продлить тебе молодость. Разве только чуть-чуть... лет на десять-пятнадцать. Ты ведь не хотел бы, найти меня только через полвека? Причем, точно такую же, как видишь сейчас? Да-да, я останусь такой же, а вот ты сильно изменишься. Нам этого не надо – совершенно верно. Поэтому, пожалуйста, слушай меня и доверяй как себе. И даже больше!

– Так и есть, – наконец подал голос Влад.

– Хорошо. Утром, как ты и собирался, поезжай в тот Патриотический сад, потом... ах, да – на работу. Всё время забываю, что тебе это пока необходимо. Хорошо, тогда перенесём поездку за изумрудами до выходных.

– За какими изумрудами?!

– Египетскими и очень красивыми. Нет-нет, в Африку не надо – они здесь недалеко. Сто пятьдесят камней ждут, когда ты их выроешь из земли.

– Во сне?

– Наяву. Запоминай координаты: 59 градусов 45 минут 33 секунды северной широты и 30 градусов 37 минут 18 секунд восточной долготы. Там старое дерево или пенёк, опять дерево – забавно! Вокруг него на расстоянии в три аршина и на глубине в один аршин лежат изумруды...

– Их туда твой отец?..

– Другой умный человек по просьбе папы сто тридцать лет назад. Стоп! Лучше скажи – запомнил циферки?

– Обижает! Проснись – запишу.

– Уж, пожалуйста, запиши, Владик, – улыбнулась Светла. – Только лопату не забудь. Хотя, мы с тобой ещё увидимся до поездки... Ещё одна ночь будет.

– Светла, так, если что – я тебя могу и днём позвать! Мысленно...

– Можешь. Но у меня не всегда получается общаться, когда ты не спишь. Много раз пыталась – говорю, кричу, а ты не слышишь. Не знаю, с чем это связано... Меня всё же волнует, как ты будешь вашим полициям про убийцу девочки...

– Всё будет хорошо, – Рощин положил ладонь на колено девушки. – Хочешь шампанского?

– Хочу! – засмеялась Светла. – Погоди-погоди! Можно – я сама?

Влад кивнул, и его фея взмахнула неизвестно откуда взявшейся волшебной палочкой. Возник малахитовый столик с золочёными ножками в виде лап льва, а на нём в серебристом ведёрке со льдом уже открытая бутылка «Дон Периньон». Фужеры тоже имелись.

– Где-то я точно такой же стол видел? – задумался Рощин, наполняя бокалы. – А-а-а! В Зимнем дворце.

– И я там же – твоими глазами. А эта палочка со звёздочкой из твоего любимого в детстве фильма.

– Из «Золушки»... Так ты со мной с детства? – немного смутился Влад. – Постоянно?

– С юности. С восемнадцати лет. Но я не в буквальном смысле сижу у тебя в голове. Совсем не сижу. Просто каким-то десятым чувством ощущаю тебя. Настоящего тебя. Твою душу. Поверь мне на слово, когда ты пьешь из горлышка портвейн в подъезде – я этого не вижу. Или еще, когда... меня тоже рядом нет. Да ты сам об этом подумал, поэтому я ответила. Не стесняйся, ты – живой человек.

– Иногда бываю даже чересчур живым...

– Нет, не чересчур. Я тебя такого люблю.

Долгий поцелуй, который на этот раз с большим усилием прервал Влад и тихо сказал:

– Давай просто полетаем вместе...

– Конечно... – ответила Светла.

* * *

Там, действительно, росло некое подобие сада, полностью заросшее сорняками и унавоженное мусором. Скорее это место напоминало не сад, а маленькую городскую свалку.

«Всего за два года такую точку изгадили! – сплюнул Рощин, поправляя ремешок этюдника на плече и внимательно осматриваясь по сторонам. – Посмотрим, где же тут следы?» Деревья молчали.

Влад прошел по неровным тропкам к заброшенной церквушке. Внутри, как и несколько лет назад, тянуло сырой прелью. Но, если прежде, на одной из стен можно было рассмотреть контуры неизвестного святого, то теперь на этом месте широкие яркие полосы граффити славили негритянского рэпера, местный футбольный клуб и резко осуждали нетрадиционную любовь. Полицейской засады не наблюдалось. Зато в дальнем углу Рощин заметил прогнивший топчан – ложе бывшего дивана. «Здесь! – ёкнуло у Влада внутри. – Всё случилось именно здесь!»

Ни одного кустика сквозь побитый и почти невидимый под грязью храмовый пол не пробилось. Рощин выглянул наружу. Прямо напротив входа искривился довольно взрослый клён.словно человек от удара плетью, его ствол немного пошел винтом.

«Он точно всё видел и помнит», – Влад поставил ещё сложенный ящичек этюдника на тропу, а на него – кейс, зрачок которого прицелился в самый центр ствола, примерно в метре от земли. Потом Рощин не торопясь прикурил сигарету и достал телефон-пульт. Запись пошла.

Четвертая глава

Из-за чего-то неровно дышащая к Владу новая секретарша директора взялась вовсю опекать его. В дело, а чаще – без, она забежала в мастерскую художников, неизменно вплотную подходя к столу Рощина. Наташа, ее звали именно так, уж и ложилась на него, опершись на локти, и садилась, задирая юбку, чуть не до пояса, выставя под самый нос Влада приятные для его глаз части тела. Что-то щебетала и чуть ли не силой кормила с рук шоколадкой. Иногда, она, как бы в порыве страсти к изобразительному искусству, возникающему на мониторе Рощина, цвенькая каблучками, заходила сзади и, рассматривая картинку, плотно прижималась упругой грудью к его спине. Дышала ему в затылок сладковатой клубничной жвачкой. Владу поневоле приходилось заниматься рекламным плакатом для частной медицинской клиники – с золотыми сундуками банка он разобрался ещё вчера. А он-то хотел по-быстрому расшифровать запись убийства девочки. Естественно, без свидетелей – пусть, даже и таких симпатичных.

Ещё по дороге на работу Влад заехал в аптеку за тонкими резиновыми перчатками и купил в уличном киоске пяток конвертов с двойными открытками и столько же лазерных дисков. Рощин собирался отправить нужные кадры в прокуратуру, полицию, редакцию городского телеканала и газету местной власти.

«Надо ей чего-то пообещать, иначе она не отстанет», – подумал вконец изведённый Влад, вслух же вполголоса произнес:

– Хочешь сегодня за рюмочкой ликера вечером посидеть?

– Да! Где? Хочешь – у меня дома? – без малейших раздумий и запинок выпалила Наташа.

Рощин аж выдохнул:

– С удовольствием... Когда закончим тут, выходи за угол на Средний проспект. Я там машину поставил. «Ниву»...

Наташа спрыгнула со столешницы и ласково ткнула Влада в ухо:

– Мой любимый автомобиль! Сразу после работы буду там.

Еще не успела за девушкой закрыться дверь, а Рощин уже вставил флешку с утренней записью в рабочий компьютер. Ему хватило несколько секунд, чтобы «перевернуть» время и на экране всё замелькало в правильном порядке. Вначале очень долго – темный проём церковного входа, а в наушнике – слабый шум проезжающих машин. Затем голоса. Мужской и детский. Влад резко убавил скорость. Разговор приближался:

– Сейчас мы вон к тому дому подойдем и спасем котенка, – говорил мужчина. – Ты же хочешь котенка?

– Хочу, – отвечала девочка. – А мы его искупаем в ванной, чтобы мама не заругала?

Ведь он наверно грязненький.

– Искупаем. Не боишься, что он тебя поцарапает?

– Нет. Не боюсь. Он же совсем маленький. Правда?

Тут – звучный хлопок и вновь мужской голос:

– Правда!

На экран выплыла крупная фигура, массивный затылок. На его плече, головой вниз как поломанная кукла в такт шагам моталось тело девочки. Он прошел в дверной проем, а вскоре вышел наружу уже один. Закурил. Огляделся. Понял, что никто ничего не видел и вновь скрылся в здании. Минут через десять он снова заслонил собой вход в бывшую церквушку. Долго отряхивал брюки, сопя и отдуваясь. Его физиономия выражала высшую степень удовольствия.

Влад отметил время начала и конца этого эпизода, скопировал его в отдельную папку и быстро перемотал топчущихся у входа в осыпающееся здание полицейских, людей в белых халатах, людей в чёрных халатах, вынос девочки. Потом натянув хирургические перчатки, методично записал на все пять дисков доказательства вины. Через принтер вбил на конверты нужные адреса и, запечатав их, аккуратно положил в новый целлофановый пакет. По дороге бросить письма в почтовый ящик – минутное дело.

«Ну, вот, Светлочка, преступника теперь точно поймают!» – мысленно обратился Роцин к своей подруге. – Он – сосед или учитель, но, скорее всего, отчим. Близкий круг».

«Умница моя!» – ответила Светла. Причем, так явственно, что Влад даже оглянулся на своих коллег – не слышат ли они чего?

Тем временем, фея продолжала: «Тебе Наташа нравится? Ну, хоть немного? Так – вперёд! Она премиленькая и очень добрая. Ей сейчас не любовь нужна, а внимание такого тонкого и чуткого человека как ты. Немного нежности и заботы. Временно. И тебе тоже нельзя все время одному. Наташа чувствует, что тебе можно доверять. Ей одной домой идти страшно. И с кем попало, она не хочет. Интуиция её не обманывает – ты самый лучший. Да, не бойся излишней привязанности и привязчивости с её стороны, она останется просто другом. Близким другом. До поры. Я с ней потом с удовольствием познакомлюсь. Нет никакой ревности, уверяю тебя. Да и не может быть. Я даже настаиваю на этой близости. Всё равно ты меня представлять будешь. Я уж постараюсь, чтобы это было как можно реальней. И для тебя, и для меня. Думаю, в этот раз у меня точно получится».

«Что значит – в этот раз?! Разве были ещё какие-то «разы»? – Владу, наконец, удалось втиснуть собственную мысль в этот удивительный монолог.

«Если не получалось прежде, значит, и не было ничего. Иди! Ты должен придти к машине первым и ждать Наташу. А я буду вместе с ней... Иди, пожалуйста!»

«Хорошо. Но мы будем просто пить портвейн, – уперся Роцин. – И еще – мы же собирались завтра ехать за изумрудами?»

«Это будет завтра. С утра заедешь домой, определишь по координатам место, и, как ты говоришь, поедем, – Светла даже чуть-чуть хихикнула этому «поедем». – Изумруды совсем недалеко».

«Я вот даже не знаю, почему сейчас тебя слушаю?!»

«Знаешь. Говорю тебе, на её месте буду я. Честное слово!» – убедительно произнесла фея.

«Буду или уже есть? В смысле – была?»

«От тебя ничего не скроешь. Да, это я заставила ее приставать к тебе целый день... Собственно, я и приставала».

«Ну, сразу бы сказала! – подумал в ответ Влад, вскакивая со стула. – Бегу!»

* * *

Роцин, действительно, просто пил с Наташей портвейн. Уже целый час. Они пили и обсуждали Тунгусский метеорит или не метеорит, картины Карла Брюллова, Фрэнка Фразетты и много чего еще. Девушка оказалась на редкость начитанной и смелой в суждениях. Влад, даже мысленно вопрошал: «Светла, это я с тобой тут беседую?» Однако ответа в голове не услышал.

– А ты можешь нарисовать мой портрет? – неожиданно спросила Наташа.

– Могу. В комнате достаточно СВЕТЛО, – Роцин нарочито вставил это слово, внимательно наблюдая за реакцией девушки. «Один раз – маловато будет» – решил он и добавил:

– Ты хочешь в тёмных или СВЕТЛЫХ тонах?

Наташа даже бровью не повела, только слегка пожала плечами:

– Художник – ты...

«Нет, это всё же наша секретарша, а не моя фея», – вздохнул Влад.

Но тут «наша секретарша» игриво подмигнула ему:

– Наверно, лучше в СВЕТЛЫХ. Я все же – СВЕТЛЫЙ человек.

Рощин чуть не выпрыгнул из кресла:

– Ты! Это – ты!

– Тише, Владик. Портвейн не пролей. И не шуми, пожалуйста, мы всё же оба в гостях у Наташи. Ты – в доме, а я – в её теле. Только пока не знаю – надолго ли?

– Светла, как ты это сделала?! Хотя, Бог с ним, не трать драгоценное время! – Рощин сам не заметил, как очутился возле неё. Обнял за плечи и даже аккуратно погладил свою фею по чужой щеке. – А образ? Можешь поменять на свой?

– Родной мой, я же не волшебница! Включи фантазию.

– Включил, – быстро пробормотал Влад и впился поцелуем в мягкие и живые губы Светлы.

Через минуту или две девушка произнесла глаза в глаза:

– Я так понимаю, просто пить портвейн не будем?

Рощин только головой помотал. И без лишних слов взял её на руки, направляясь к дивану, но Светла пальчиком указала в другую сторону:

– Спальня там...

В этот вечер счастливый Влад уснул со своей прекрасной феей в обнимку.

Пятая глава

Возле черной реки, в странном городе без дверей и людей Светла тихонько подошла к Рощину сзади и осторожно прикрыла ладошками глаза.

– Ура! – воскликнул Влад. – А то я тут хожу-хожу – ищу тебя.

– Зачем? И наяву – я, и тут – опять я. Боюсь тебе надоест.

– Вот этого не надо бояться, – улыбающийся художник повернулся к девушке и взял ее за талию. – Это называется – вечный кайф!

– Как скажешь. Мне очень приятно, что это так называется, – безмятежно молвила фея, но тут заметила в его лице какую-то напористую, но неуловимую мысль. – Что-то узнать хотел?

– Я хочу тебя высечь! – быстро проговорил Роцин.

Девушка вскинула брови:

– За что?!

– Высечь из мрамора, – теперь уже, как бы задумчиво уточнил Влад. – Ты же хотела портрет, а будет ещё лучше. Сними платье.

Светла без всяких затей скинула ляпочки с плеч, и воздушная ткань упала к её ногам. Она была совершенна и чиста. Упругость высокой груди, округлость бедер притягивали. Рощину вновь захотелось в её уют, но он сдержался и попытался шутить:

– Сапожки можешь оставить. Они не помешают.

Потом он уже привычным жестом щёлкнул пальцами, и возле него появилась белая мраморная глыба с голубыми прожилками и узенький деревянный верстачок с инструментом. Влад взял в руки молоток и зубило:

– Ну-с, приступим. Во сне скульптуры получают очень быстро. Даже из гранита, а уж из мрамора – как из воска! Сама увидишь.

– Баловник, – засмеялась фея. – Я правильно стою?

– Ещё как правильно! Ножку за ногу – это волшебно! – воскликнул Роцин. – Да! Совсем забыл. Мне же нужен полный обзор.

Он повелительно ткнул указательным пальцем куда-то позади Светлы, и там выросло огромное зеркало. Скульптор приступил с упоением. Мрамор, действительно, резался словно воск. Влад практически сразу отбросил зубило с молотком и, взяв в руку резак, стремительно кромсал камень. Он остановился минут через десять, когда в прежде мертвом кубе уже можно было угадать человеческую фигуру:

– Хочу так запомнить твоё тело, чтобы наяву повторить его на бумаге или холсте. Чтобы ярче его представлять, когда перед глазами другое...

– Наташа и сама бы в тебя влюбилась. У нее уже что-то там стало рождаться, но я сделала лучше и быстрее, – словно оправдывая любимого, произнесла Светла. – Не думай, никакого насилия над ДРУГИМ телом не произошло. А что касается души, то там была только моя душа и никакой другой.

– Всё-всё! Сдаюсь, – Влад поднял обе руки вверх. – Ты сделала меня счастливым, а я веду себя как идиот! Просто это меня, как бы правильнее сказать? Шокировало! Я обалдел! Понимаешь? Одно дело – во сне, а тут...

– Всё прекрасно, – фея плавно указала ручкой на оживающий мрамор. – Ты скульптуру обещал.

Влад кивнул:

– Будешь лучше греческой богини! Ножку на место верни...

– Да-да, извини.

Вновь куски мрамора полетели в стороны. Появились волосы, плечи, грудь...

– Светлочка, сколько нужно денег на выкуп? – вдруг спросил Рошин, не отрываясь от ваяния.

– Выкуп?! Хотя можно и так сказать. Только этот выкуп не людям.

– Это я понял. Расскажи – сколько?

– Ну, не могу я назвать цифру! Честно – не знаю. Нужны не сами деньги, золото или камни, а то, что можно за них сделать.

– Завтрашних изумрудов хватит?

– Нет! Что ты! Если бы все было так просто... С них ты только начнешь. Тебе надо стать очень богатым и влиятельным. Легально, без неприятностей с законом.

– погоди-погоди! Самолет, что ли надо купить?

– И пароход тоже, – совсем без улыбки добавила девушка. – И скорее всего – не один, а несколько. Самых больших, какие только есть. Или построить их.

– Знаешь сколько времени понадобится, чтобы корабль...

– Конечно. Сейчас – с помощью Наташи – я смогу тебя спокойно дожидаться. Да и ты тоже. И, кстати, разве – завтра, ты уже идешь на верфь? При самых благоприятных условиях это случится не раньше, чем через год. Не думай сейчас о времени. Хорошо? Скучно тебе не будет. Гарантирую все радости жизни. По возможности... Было бы желание!

– За желаниями дело не станет! У меня уже давным-давно, целый сон только одно сильное желание!

– Всё в наших руках, милый. Закончи произведение...

– Готово! – Рошин бросил резак. – Смотри.

Скульптура дышала и светилась изнутри. Светла подошла к ней, встала рядом и повторила позу:

– Нас можно перепутать. Ты – великий художник.

– Только здесь. Как говорится, в объятиях Морфея. А по жизни сама знаешь, чем занимаюсь...

– Знаю. Занимаешься тем, что идешь ко мне. А еще – ищешь справедливость. Наказываешь зло. Всё остальное – шелуха. Ничего не стоящая шелуха. А это изваяние украсит лучший дворец на Земле.

– Твоими бы устами... – сиял Влад. – Видишь, и совсем недолго я над ней колдовал. Жаль, нельзя перенести в тот самый дворец.

– Знаешь, я сохраню её...

– Но как?!

– Пока в этом мире. А потом... Потом увидишь – как. Это я тебе обещаю. А сейчас – иди сюда...

* * *

Утро билось лучиком солнца в подушку, по которой разлилась платина локонов феи.

«Вот уж, действительно, какое-то чародейство, – подумал Влад. – День начинается прекрасно!»

Светла открыла глаза и, потянувшись, выгнула гибкое тело дугой, словно кошка:

– Нет-нет. Ты ещё не проснулся. Мне захотелось вкусить, каково это – просыпаться рядом с тобой. Извини, за это испытание.

– Что ты! Мне понравилось.

– Я рада. Через минуту ты, действительно, проснешься. Хочу тебе напомнить, что девушку зовут Наташа. И ещё... я ей дала воспоминания, правда, не очень четкие, как ты её любил этой ночью. Она будет по-особенному благодарна тебе за это, ты скоро поймешь почему...

* * *

Рощин проснулся. По-настоящему. Наташа тихо дышала рядом. Она, с головой забравшись под одеяло, свернулась в клубочек. Потерялась на широкой кровати. «Пусть спит, – решил Влад, натягивая джинсы. – Надо пойти чайник поставить...»

Уже на кухне, закулив сигаретку, художник задумался: «Интересно, что же она помнит? По-моему, я ее даже Светлой называл в запале. Но такое имя можно принять и за эпитет. Брать её с собой за изумрудами или нет?» Фея молчала. Рощин заварил чай в двух фаянсовых кружках и побрел в спальню.

– А я испугалась, что ты мне только приснился, – встретила его на пороге комнаты Наташа. Она не успела одеться.

Влад чуть посуду не выронил от её слов и смог выдать лишь:

– Чай..., – но машинально про себя отметил: «А у них фигуры похожи».

– Спасибо, поставь на столик, – сказала Наташа, влезая в просторную футболку. – Сейчас я что-нибудь приготовлю. Будешь яичницу с колбасой? Или бутерброды?

– Всё буду.

Она ластилась к нему и в то же время пугалась – вдруг, это ему не понравится и он скажет что-то резкое. Влад понял, ластилась именно Наташа. «Ну, как я могу просто так от нее уйти?!» – мысленно спросил он неизвестно у кого, допил чай и снял с Наташи футболку.

Шестая глава

С Наташей было трудно расстаться. Ведь для Влада, она существовала в двух измерениях. Он видел и её, и Светлу одновременно. «Как всё же у моей феи это за просто – останетесь близкими друзьями и только. Хотя, может так и лучше, когда – друзьями? Только как это возможно?!» – думал Рошин по пути в окраинный район Петербурга – Колпино. Именно там, сразу за городом росло старое дерево или торчал пенек по названным Светлой координатам. Собираясь за изумрудами, Рошин, кроме новенькой лопаты, прихватил пистолет-пугач, из которого никого нельзя застрелить, и здоровенный охотничий тесак в кожаном чехле. Мало ли!

Наконец закончились длинные красно-серые корпуса заброшенного Ижорского завода, и Влад выехал на Лагерное шоссе. Через пару километров искатель остановился у старинного приземистого особняка с выбитыми оконными рамами.

– Будем надеяться, что бомжей тут не водится, – вполголоса пробурчал Рошин, выбираясь из машины. Он огляделся и, действительно, в полусотне метров с другой стороны дороги одиноко торчала наполовину высохшая липа. «Не меньше ста пятидесяти лет», – опытным глазом Влад оценил ее возраст. – «Пока все сходится».

Мимо прошумел зеленый фургон с эмблемой министерства спасения. В кузове сидело человек двадцать в полувоенной форме, а в руках у них почему-то матово поблескивали автоматы. Рошину показалось, что все эти добрые парни с пристрастием уставились на него. «Какие-то странные спасатели», – подумал Влад, проворно сядя за руль. И, когда грузовик скрылся из виду, он спрятал свою «ниву» за зданием, а сам, захватив кейс с аппаратом, отправился к дереву на разведку.

У себя дома перед отъездом он несколько минут определялся – брать дипломат или нет? Потом решил записать память, хоть с пенька, и, если изумруды не найдутся, то, по крайней мере, определить: кто их выкопал. Да и заодно проверить – были ли они вообще зарыты.

Траву вокруг липы никто особенно не топтал. Рошин посидел с аппаратом с четырех сторон, всякий раз дожидаясь сигнала, что запись окончена. По шоссе время от времени проезжали машины, но любопытных путников на горизонте, к счастью, не появлялось. Влад набрал у обочины полпакета светлого щебня и, примерно очертив им нужную окружность у дерева, вновь вернулся к машине, дожидаясь темноты. А вернее сказать, захода солнца. Хотя это время суток и называется белая ночь, но всё же не так отсвечиваешь, как днем.

* * *

Влад еще разок, не торопясь, пересчитал свою добычу. За четыре азартных часа без перекуров он наковырял из земли тридцать пять крупных, в половину спичечного коробка и сто десять средних изумрудов. Еще ему попались семь синих и один красный камень – все размером с лесной орех. Рошин захватил и их, решив, что это сапфиры и рубин. Его ювелирные познания находились в зачаточном состоянии, и он не мог даже приблизительно оценить стоимость находки. Да и кто смог бы?!

Перед тем, как уйти от щедрой липы, Влад постарался заровнять следы раскопок и внимательно просветил землю фонарем. Он как бы со стороны даже удивлялся над собой – его не охватила изумрудная лихорадка – спокойно прошел к машине и уехал домой. Рошина не заботила судьба, наверняка оставшихся под корнями, драгоценных камней. По крайней мере, в ближайшее время. Сегодня его беспокоила другая мысль, как незаметно для властей и бандитов продать, хотя бы один самый маленький камешек? Ехать в другой город? «Если

они пролежали в земле больше ста лет, то их происхождение отследить практически невозможно, – размышлял Рошин. – Но как оценить и сразу же получить деньги? Любой ювелир постарается либо крупно обмануть в цене, либо оттягивать с оплатой до приезда угрюмых друзей, чтобы забрать товар даром. Да еще и под пытками попросить сдать остальные ценности. Надо найти надежный и нестандартный ход, а другой город полностью отпадает. Надо искать подходящую другую страну».

Он вдруг вспомнил, что, когда учился в академии, подружился с сокурсником-англичанином. Звали его Майкл Дорсет, и он был отличным парнем. Так сказать, настоящим джентльменом. И насколько разобрался Рошин, уже провожая его в аэропорт, Майкл – джентльмен в квадрате. Его папа, дедушка и все предки рождались с титулом графа или что-то в этом роде. И Дорсет все пять курсов совместного обучения и прочих посиделок даже не обмолвился об этом Рошину. Лишь теперь, прощаясь, он записал в блокнот Владу свой домашний британский адрес, благодаря которому эта знатная деталь обнаружилась. Художник выдвинул ящик письменного стола, где хранились давнишние бумаги и вышуршал оттуда старый полностью исписанный блокнот студенческих времен. Адрес проще некуда: «Замок Дорсет. Город Дорчестер. Графство Дорсет. Великобритания».

В течение последних двух лет Влад время от времени переписывался с Майклом по электронной почте. Сокурсник пока не стал модным художником у себя на родине, но обзавелся небольшой собственной галереей и устраивал выездные выставки-продажи современного искусства во всех крупных городах Британии. Не откладывая в долгий ящик, Рошин написал Дорсету, что у него появился скромный спонсор для оплаты вернисажа в Англии. Заграничный друг ответил через несколько минут. Он искренне обрадовался будущей встрече и переслал массу инструкций по оформлению документов, а также посоветовал лететь лайнером Британских авиалиний в аэропорт Гатвик. Майкл пообещал встретить русского друга чуть ли не у трапа и гарантировал самый радушный прием в родовом замке. Также он спрашивал количество и размеры картин и дату, когда высылать официальное приглашение. Постскриптом гласил, чтобы Влад не беспокоился о деньгах по организации выставки и прочих расходах. «Тебе надо только сесть в самолет, а об остальном не думай!»

– Как был, так и остался отличным парнем! – воскликнул Рошин. – Постараюсь его не разочаровать.

Он написал другу, что как только договорится на работе об отпуске – сразу же ему сообщит, но путешествие, видимо, состоится не раньше, чем через месяц.

Художник собирался спрятать камни в завитушках картинных рам в стиле барокко. Таких у него никогда не водилось, их еще предстояло купить и чуть-чуть поколдовать со смесью плиточного клея и отмученного мела. Обычный гипс Рошин отмёл сразу – слишком ценная начинка предполагалась для такого ненадежного материала. Он задумчиво перебрал полотна, что стояли прислоненными к стене в жилой комнате. На картинах грелся теплый, домашний Петербург. Город для добрых людей. Бытовые сюжеты: свидание на лавочке в Летнем саду, старичок с батонem и голуби на Сенатской площади, пляж у стен Петропавловской крепости. На всех холстах главными персонажами были простые люди и их искренние чувства: любовь, доброта, радость. Сверкающие знаменитые купола, величественные дворцы, гранитные мосты и набережные лишь оттеняли человеческие отношения и служили фоном. Никакой парадности на картинах даже отдаленно не наблюдалось, и они совершенно не подходили к рамам в такой вычурной манере, как барокко.

«Тут надо нечто маслом в классическом стиле и очень красивое, – размышлял Рошин. – Может быть, экранизировать что-то из библейских историй? Или из греческой мифологии?»

Точно! Надо написать Светлу! Светлу и Наташу! Одну картину назову «Богиня лунного света Геката», а другую «Волшебница Цирцея». Идеально подходит! Светла, одобряешь?»

Фея не отзывалась.

* * *

Рощин настолько загорелся идеей новых портретов, что забыв про сон, схватил мольберт и выбежал из квартиры. Он решил по дороге к Наташе купить холст с подрамником и немедленно её рисовать. У него даже не возникло мысли позвонить девушке, вдруг её нет дома. Раз он едет к ней, значит, она ждет. Причем, так сыграла вовсе не самоуверенность самца, а убежденность близкого друга. Так и вышло. Отперев двери, Наташа прижалась лицом к плечу Влада, и только теперь он вспомнил про телефон:

– Извини, что без звонка...

– Всегда тебя жду. Ты говорил, что тебе нужно уехать на пару дней по важному делу. Я тоже не звонила, хотя очень хотелось, – прошелестела Наташа и, взяв друга за руку, повела его в комнату. Усадив Рощина на диван, девушка, улыбаясь, осталась стоять напротив него.

– Иди сюда, что расскажу, – поманил её Влад.

– Сначала я тебя буду кормить. Есть котлеты собственного изготовления, осталось пожарить картошку и сделать салат. Ага?

– Еще как – ага! Там в коридоре пакет с портвейном и твоим любимым ликером. Я сейчас...

– Сиди, я потом принесу. Покури пока, – остановила его Наташа и упорхнула на кухню.

* * *

«Интересно, когда же появится Светла? Может быть, что-то случилось? Ну, почему я – идиот не уговорил её, рассказать мне, где она находится!» – думал Рощин.

Он уже час рисовал Наташу. Подходящего костюма для Цирцеи в гардеробе девушки не нашлось, поэтому Влад убедил её оставить из одежды лишь цепочку с круглым золотым медальоном, напоминающим античную монету. Поза, в которой богиня-волшебница должна была появиться на картине, родилась в голове художника во время обеда. Он усадил Наташу на диван чуть-чуть вполоборота, предварительно собрав на него все подушки в доме, подняв уровень лежака, чтобы левая нога девушки свободно свисала, и даже пальчиками не касалась пола. Правую ножку подруги, Влад, аккуратно согнув в колене, поставил на сиденье дивана, оставив треугольный просвет. Отошел и полюбовался: «Всё хорошо. Только теперь правую ладонь положи на правую же коленочку, а левой – легонько обопрись на диван. Кулачок разожми – ладошкой обопрись. Сиди, пожалуйста, ровно, свободно и расслабленно, но, в то же время, и как пружинка. Вот так, умница. У тебя божественная грудь! А щёлочку пупочка так и тянет пальчиком погладить. Не опускай, не опускай голову! Подбородок повыше и смотри прямо на меня. Анфас. Добавь во взгляд вожеления – представь на моем месте Аполлона! Ну, или кого хочешь. Можно и меня».

Главное – поймать зовущую загадочность и нежную порочность улыбки её влажных глаз. Так поймать, чтобы один раз увидев её, любой мужчина превратился в ее обожателя. Страстного поклонника с колотящимся от желания сердцем, одновременно отлично понимающего недоступность изображенной на холсте прекрасной волшебницы.

* * *

«Хорошо, что догадался взять подрамник: сто на сто сорок. Получается практически в натуральную величину. И здорово получается! – мысленно похвалил себя Рошин, наслаждаясь работой целых три часа подряд. – Оказывается, я, действительно, умею глубоко рисовать».

Кончиком кисти он добавил невидимую, но ощущаемую слезинку в зрачок и выдохнул:

– Не устала?

– Есть немного... – стараясь не шевелить губами, ответила Наташа. – Первый раз в жизни позирую.

– И не последний... Встань – разомнись, теперь можно. Ты у меня уже тут живешь! – указал Влад на картину.

Девушка бодро вскочила с дивана, но ее качнуло обратно. Упав на мягкие подушки, она затрясла руками:

– Мне посмотреть не терпится, а у меня иголки по всему телу!

Рошин побежал в ванную, и уже оттуда донеслось:

– Сейчас руки помою и разотру тебя!

После ласкового массажа Наташа подошла к холсту. Она замерла и несколько минут стояла как вкопанная, не отрываясь, глядя на свой портрет. Потом повернулась к Рошину:

– Влад, зачем тебе заниматься этой... рекламой?! Ты – великий художник. Тебе надо рисовать настоящее, не отвлекаясь на всякую ерунду.

– Где бы я тогда такую натурщицу нашел? Красивую и терпеливую, – художник легонько щелкнул свою музу по носу. – Всё случается не просто так.

Седьмая глава

Письма Рощина дошли всем адресатам. В редакции газеты «Вечерний Петербург» у монитора шефа отдела расследований через полчаса с момента первого просмотра диска собрались все журналисты издания. Верстальщики бросили на произвол судьбы дизайн свежего номера, рекламщики забыли о деньгах и своих процентах, а корректоры – о запятых и двоеточиях. После того, как жуткий сюжет был внимательно изучен, наверно уже в пятый раз, поднялся такой шум и гвалт, что на него прибежал главный редактор. Он быстро выяснил причину стихийного митинга, основным лозунгом которого стало выражение: «Пойдём, схватим и порвём!»

– Ты себе всё скопируй в компьютер и пулей ко мне в кабинет с диском, – приказал главный шефу отдела. – Никому не дёргаться, еще спугнете убийцу! Всем – по рабочим местам, а я сейчас позвоню начальнику питерской полиции. Да, еще – никуда не уходить криминальному репортеру и двум фотокорреспондентам – попробую договориться, чтобы опера вас взяли с собой на задержание. Будем держать под это дело первую полосу.

На телеканале всё происходило кулуарно. За закрытыми дверьми собралась лишь дирекция. В результате, чиновники решили отправить к полицейскому генералу популярного ведущего со съемочной группой и, естественно, с копией диска. Оригинал, чтобы никто не залапал, заперли в сейф.

Начальник полиции вместе с замами и прокурором города чесали затылки и не могли взять в толк – откуда взялась эта запись? Камер слежения в саду Патриотического женского института сроду не устанавливали. Да и такой ракурс, и четкость съёмки не способна дать никакая камера. Предположения высказывались самые разные, правда, одно нелепей другого. И то, что, якобы, преступников двое, и то, что убийца сам снимал, включив запись дистанционно. Прокурор вообще решил, что все это записали на мобильный телефон какие-то бомжи-алкоголики. Но, к чести сказать, любые догадки такого рода достаточно быстро отменялись коллегами-правоохранителями, невзирая на чины и должности. Гадая о происхождении диска, полицейские совершенно забыли про преступника. Им почему-то горячо хотелось задержать анонимного оператора и привлечь за недонесение по всей строгости. Или даже за соучастие, если удастся пришить ему такую статью. На землю этих бравых мужиков вернул настойчивый звонок главного редактора газеты и визит местной телезвезды со свитой. В течение часа выяснилось, что убийца и насильник – сосед девочки, примерный семьянин и отец трёх дочерей. Еще через полчаса его арестовали под плотным эскортом дотошных журналистских объективов.

Кстати, изучение присланных дисков и конвертов, изъятых полицией у всех получателей, не прояснило личности загадочного оператора. Глава городской полиции очень надеялся найти отпечатки пальцев или еще что-то:

– Неужели там нет даже волосков?! – кричал он на начальника криминалистической лаборатории. – Хотя бы одного волоска!

– Скорее всего, он лысый, товарищ генерал, – переминался с ноги на ногу уставший эксперт. – Лысый как...

– Как кто? – еще больше побагровел генерал, не отличавшийся богатством шевелюры.

– Как колено, – кротко уточнил зубр экспертиз.

* * *

Светла не спалась три ночи подряд. Днем она тоже молчала и не отзывалась. Тем временем, Рошин закончил рисовать Цирцею и приступил к богине лунного света.

Художник долго искал единственно верную композицию. Стоя? Сидя? Лёжа? Он безуспешно много раз пытался услышать пожелания самой героини будущей картины. Влад точно знал лишь чувство, которого он хотел добиться от зрителя. Непреодолимое страстное стремление помочь, спасти, защитить. От кого или от чего – неизвестно, но обязательно сделать это. Здесь и сейчас! Рошин намеревался изобразить на полотне собственные порывы.

Первыми на эскизах всегда появлялись глаза, и только потом овал лица Светлы. Но говорить должен не только взгляд, а всё тело. Положение рук, ног, поворот головы – всё должно звать на помощь и одновременно выражать внутренний покой, мир в душе. Никаких воплей, а лишь шепот, который всегда убедительнее. Время замерло для живописца с раннего вечера до позднего утра...

Перед глазами у него сидела Светла, поднимающая тяжесть русых волос с плеч, перед тем, как заколоть их сияющей змейкой. Девушка вопросительно игриво смотрела прямо в глаза, а казалось, что в его сердце. Он хорошо помнил этот сон, и хотя в нем его фея стояла в легком сарафане и с ожерельем на шее – на картине она обнаженная сидела на качелях. Впрочем, ожерелье осталось. Ноги в коротких белых сапожках, колени плотно сжаты и наклонены чуть на бочок. В каждое мгновение она может упасть, ах, красивые девушки так беспечны! Её надо успеть подхватить на руки! Величайшее счастье для любого мужчины – подхватить эту богиню на руки! Просто спасти ее, и может тогда она обратит на него свое внимание. Именно на него одного. И пригласит в свой мир, где всё такое же неземное и прекрасное, как она.

* * *

В конторе Влад, несмотря на бессонную ночь, ощущал бодрость и прилив сил. Он уже прочитал про арест злодея и неведомо откуда взявшуюся запись преступления. В его голове роились гордые мысли, что теперь он сможет раскрыть любое убийство, если рядом растёт дерево. Правда, уже совершенное убийство. Постфактум. А нельзя ли предупреждать их? Могут ведь бандиты обсуждать планы где-нибудь в парке или летнем ресторанчике. На даче, в конце концов!

В разгар его исканий в мастерскую забежала Наташа, положила на стол сверток с бутербродами «к чаю» и на ушко шепнула про «соскучилась» и «может, сегодня вечером». Рошин красноречиво закивал:

– Хочешь, поедem ко мне?

– Еще бы! Покажешь свои картины?

– Конечно. Наташ, занеси директору моё заявление, если не трудно.

– Какое заявление?!

– На отпуск, на отпуск. Вечером всё расскажу.

Девушка взяла листок в руки и, наискосок пробежав текст, выдохнула:

– Еще целый месяц...

– И потом будет еще много месяцев, – Рошин взял её за руку. – Вечером, хорошо?

* * *

В багетную мастерскую, где Влад еще с утра по телефону заказал вычурные рамы, он заехал вместе с Наташей. Она погладила бронзовые узоры и вполголоса спросила:

- А вторая для кого?
- Увидишь. Наберись терпения.
- А куда ты в отпуск поедешь?
- Друга надо навестить, – односложно ответил Рошин, но Наташа не унималась:
- Он далеко живет?
- В Англии...

Остальную часть пути до дома Влада проехали молча. В лифте тоже не проронили ни слова. Но, когда художник приложил завитушки дорогой рамы к полотну с Цирцеей, Наташа оживилась:

– Даже не знаю, что сказать! Класс! Для таких картин я готова тебе позировать с утра до ночи! И с ночи до утра.

– Тогда для начала по рюмочке?

– Пока наливаю, Владик, доставай и показывай остальные... – Девушка уже было взяла бутылку портвейна, но замерла, когда Рошин поставил на венский стул «Богиню лунного света».

– А кто это? – лишь через полминуты проговорила она, не отводя восхищенного взгляда от картины.

– Ты, – просто сказал художник. – Только в другом измерении.

– Очень красивая...

– Да, очень, – Владу тоже нравилось своё творение. – Дайка мне, я сам вино разолью.

Близкие друзья присели к круглому бабушкиному столу. Чокнулись. За ними с холстов пристально наблюдали две девушки. Рошин снова наполнил рюмки. Случайно вырвавшись, кажущиеся ему правдивыми, слова о другом измерении натолкнули Влада на идею – попробовать объединить девушек на единой картине. Нет, не рисовать нечто многорукое, вроде богини Шивы. И не сажать их рядом на лавочку. А создать совершенно новый стиль письма. Даже не стиль, а нечто большее. Если смотреть на полотно прямо – Наташа, а отойдешь сбоку – Светла. Такая игра цвета и тени. Причем они будут в совершенно разных позах. Одна сидит, другая стоит. Отходишь от картины с Наташей в сторону, не отрывая взгляда и, вдруг, происходит некий зрительный щелчок – на холсте уже Светла!словно день переходит сразу в ночь и наоборот, а вечера и утреннего рассвета не существует. Рошин не сомневался, что у него получится. Время до отпуска есть...

У Наташи упомянутое другое измерение родило иные ассоциации. Она тихонько тронула задумавшегося друга за плечо:

– Пожалуйста, выслушай меня. Ты знаешь, я обязательно хочу тебе это рассказать, хотя и боюсь взвалить на тебя лишний груз. Но ты должен знать обо мне всё. Полгода назад мы возвращались с мужем домой... Да-да, с мужем, пожалуйста, не перебивай. Начиналась зима: темень, мокрый снег, ветер. Во дворе на нас напали. Случайные грабители. Это мне потом так сказали. Меня несколько раз ударили в живот, я потеряла сознание. Очнулась только в роддоме. Была беременна, и случились преждевременные роды. Мне показали мертвого ребенка, а потом его тельце бросили в железный тазик. Его головка громко стукнулась о металл. Я пыталась кинуться к нему, кричала: «Он ударился! Пустите меня! Пустите!» Меня крепко держали. Сделали какой-то укол. Уже потом, когда вновь пришла в себя, мне сообщили, что мужа зарезали. Насмерть. Меня выписали через день, и в квартиру я вернулась одна. Ходила из угла в угол, не зная, что мне теперь делать. Приходили полицейские,

спрашивали про приметы. Никого из бандитов не поймали. Ни тогда, ни потом... С тех пор мне каждую ночь снился один и тот же сон, как из меня достают ребенка и швыряют его в тазик. Все эти картинки и звуки повторяются бесконечно. Я обязательно просыпалась. Вся в холодном поту. Ты знаешь, я по профессии не секретарша – учитель истории. Училка. Но после того ужаса я больше не смогла ходить в школу, общаться с детьми. Да, я ведь не сказала тебе про диагноз-приговор, который мне вынесли спустя неделю. У меня никогда не будет своих детей. Ты должен это знать сейчас, пока не поздно.

Рошин попробовал что-то сказать, но девушка плавным жестом остановила его:

– Послушай еще минутку, прошу тебя. Я говорю это для того, чтобы ты не строил семейные планы со мной. Не могу и не хочу обманывать тебя. Да, я считаю такое обманом. Не желаю однажды принести тебе боль разочарования... Нет-нет, я буду с тобой столько, сколько захочешь. И всегда, когда захочешь меня увидеть. Понимаешь? Рассказала и сразу легко стало, перевалила на тебя. Ты себе не можешь представить, как я тебе благодарна! Ты самый лучший, самый добрый и веселый. Самый искренний. Как только мы подружились с тобой – у меня сразу никаких снов. Сплю как убитая, в хорошем смысле, и ничего не вижу. Ты меня вылечил.

– Ты любила мужа? – вдруг спросил Влад.

– Перед свадьбой любила. Наверно. Потом как-то всё прошло. Ты не поверишь – когда надо было ложиться с ним спать, чувствовала себя как приговоренная. Правда. Ни сердечных чувств, ни приятных ощущений уже не появлялось. Когда забеременела, то думала, что после родов будет настоящая семья и тепло вернется. Но видишь, как всё повернулось – стала вдовой.

– Ты уже не вдова, ты – невеста, – немного невпопад изрёк совершенно растерявшийся от таких откровений художник.

– Согласна быть твоей вечной невестой. До того момента, пока не встретишь свою настоящую любовь. Но и тогда не прогоняй меня, останусь твоей верной подружкой.

«Кого-то мне напоминают эти слова», – размыслил Рошин, а вслух медленно произнес:

– Светла – ты?

– Кто это? Я и прежде слышала от тебя это имя... – вымолвила Наташа, и тут, как по волшебству, прямо сказать, невеселое выражение её лица сменилось на брызжущий задор. Глаза заблестели, а рука уверенно потянулась к рюмочке: – Думаю, что достаточно! А то вы тут договоритесь, Бог знает, до чего! И ты выдашь меня по полной программе. Теперь здесь уже я – не могла больше терпеть. Но мне хотелось, чтобы ты всё узнал от самой Наташи. И больше её жалел и понимал.

– Светлочка, где ты пропадала столько времени?! – радостно воскликнул Влад. – И не останавливай меня! Хочу и кричу, теперь-то мы в честно арендуемой мной квартирке. Посмотри, какие я картины нарисовал!

– Имеешь полное право хвастаться! – Светла поцеловала любимого в губы, так и не ответив, где она обреталась целых трое суток. – Ты – чародей. Мне даже самой захотелось себя спасти! А нашу прекрасную вечную невесту хочется ласкать и жалеть. Что ты с успехом и претворяешь в жизнь. Налей мне еще немного этой вкуснятины.

– Смотри, осторожнее. Дамы становятся алкоголичками не от водки, а именно от портвейна.

– Ты так редко встречаешься с Наташей, что я уверена, ей это не грозит.

* * *

После близости первой заговорила Светла:

– У меня вначале даже мелькнуло желание – отправить Наташу в Неву или еще куда-нибудь похуже. Это, когда ты с неё маечку утром стянул. Да-да! Совсем не ожидала, что во мне такая мерзость отыщется. Ты оказался прав. Почти как всегда. Ревность есть. Но... Я не стала делать ничего плохого. В конце концов, я сама толкнула тебя к ней. К себе в ней. Тем более, я так долго её искала. Ты ведь знаешь, как трудно найти в Питере красивую девушку. Достойную тебя спутницу. Да еще, чтобы хоть немного напоминала меня. Фигурой, хотя бы фигурой – согласна с тобой. Потом чуть не за руку я привела её в твоё агентство, чтобы ты обратил на нее внимание. Поэтому будем продолжать так же, как и собирались. Ты, не против? Мне просто необходимо общаться с тобой не только во сне. И я страстно хочу доставлять тебе и себе удовольствие – даже через чужое тело. Тебя не очень затруднит – таскать ее всюду с собой?

– То есть?! Куда таскать? На вечеринки я не хожу...

– Ты же собирался в Англию. Или тебя просто слово «таскать» резануло? Извини, но я больше имела в виду себя.

– Да я с тобой – куда угодно! – с чувством воскликнул Влад. – Ну, в смысле, с Наташей... Но наличных пока маловато. У меня даже на два билета не хватит, а еще и гостиницу оплачивать. Один-то я могу и в замке пожить, а вдвоем уже неудобно. Знаешь, я тоже не хочу её оставлять здесь одну. Она, действительно, стала близким другом. Близким и хрупким другом, которого надо защищать. Немного разживусь – сразу вызову её в Лондон. Сейчас нереально... Знаешь, у меня такое мерзкое ощущение, словно я торгуюсь!

– погоди! Я в теле Наташи с тобой в одно приличное место слетаю... съезжу! Возьмем там уже готовый бумажный вариант. Или лучше золотые монеты?

– Ну, вот – о чём я говорил! Выторговал-таки, – пробурчал Влад, но Светла недовольно махнула на него рукой:

– Перестань! Дело говори: золото или бумага?

– Всё сгодится. Бумажный вариант – само собой, но и монеты продать легче, чем камни. Называй координаты... – подходя к столу, Рощин достал блокнот и ручку.

– Сама покажу. Одевайся!

Восьмая глава

Несмотря на командный голос Светлы, разомлевший Роцин вновь ничком повалился на диван и пробасил сквозь подушку:

– Птичка моя, посмотри на часы.

– Мы быстро слетаем. Вставай-вставай, – девушка пощекотала спину Влада ноготками. – Надо всё забрать сейчас, пока кто-нибудь другой не нашел. Это недалеко от твоей работы.

Уже сидя за рулем, по дороге «на дело» Владу захотелось аккуратно узнать про страшный сон Наташи, и только он начал подбирать нужные слова, Светла быстро проговорила:

– Не думай, что это я ей подарила тот дикий сон.

– Я, кстати, такое и не думал! – честно возмутился Роцин.

– Знаю, что не думал. На всякий случай тебе сказала. Наташа просыпалась, увидев во сне эту жуть, не просто в холодном поту, а от собственного крика. Я не хотела тебя пугать и убрала этот сон в первую же ночь с тобой.

– Как это убрала?

– Научить? – улыбнулась фея.

– Теперь уже ни к чему. А вообще, наверно, очень интересно управлять снами.

– Людьми – еще интересней. Мне лишь это и остается, – Светла вздохнула. – А хотелось бы управлять собой. Приехали, вот у того дома остановись.

Роцин затормозил и перешел на заговорщицкий шепот:

– У меня под сиденьем револьвер. Правда, он только грохает...

– Оставь, Владик. Грохать нам не придется. Пойдем.

Парочка выбралась из машины и прошла в распахнутую дверь подъезда жилого дома. Редкие прохожие не обратили на них никакого внимания. Светла уверенно поднялась по лестнице на пролет между первым и вторым этажами и, сунув руку за батарею отопления, вытащила оттуда плотный сверток. Роцин оторопел:

– Что там?

– Бумажный вариант, – вполголоса ответила Светла.

* * *

Они, действительно, обернулись быстро. Прошло не больше получаса, а Светла и Влад вновь сидели за круглым столом, на котором теперь кроме портвейна, тускло поблескивали царские золотые червонцы и веером развернулись две пухлые пачки рублей и долларов.

– Откуда ты узнала про них?! – наконец озвучил Роцин, свербящий весь обратный путь вопрос.

– Ну, я же не трое суток болела ревностью! Всего минут десять. Теперь – хватит на билет для Наташи?

– На десять билетов. Светлочка, расскажи...

– Ты каждый день проходишь мимо антикварного магазина. Даже иногда заглядываешь туда. Вот его владелец и оставил для нас эти подарочки. Он забрал из сейфа все деньги и золото, упаковал и лично засунул за батареи в двух подъездах соседнего дома. Потом я отправила его в ресторан, где он напился до умиления. Скорее всего, и так бы ничего не вспомнил, но я подстраховалась.

– Вселилась в него, как в Наташу?!

– Не совсем так, но суть ты понял.

– Погоди-ка! – Влад даже вскочил со стула. – Значит, ты можешь заставить любого человека делать что угодно?

– Любого не пробовала. А с антикваром получилось. Сядь, пожалуйста. Папа мне говорил, что после первого удачного опыта я буду становиться всё сильнее. Но это вселение могу делать, только, когда ты рядом и видишь того...

– Точно! Сегодня я в обед заходил в тот магазин и даже обсуждал что-то с хозяином.

– Не что-то, а кражи в Эрмитаже. Как скульптуры Родена уплыли на выставку в Канаду, да так там и остались. Я чуть мозги себе не вывихнула, чтобы грамотно поддакивать. Помнишь, там еще продавщица была?

– Несимпатичная...

– Ну, естественно. Я бы даже сказала, страшенькая. Это племянница владельца, которая знает его вдоль и поперек. Какая-нибудь моя неверная фраза могла её насторожить.

– Надо же предупреждать! – Рощин развел руками. – Заранее. Хотя бы приснилась...

– Хотела сделать тебе приятный сюрприз, – Светла взяла за уголок стодолларовую бумажку и потрясла ей в воздухе. – А, если честно, то просто силы копила. У меня пока нет железной уверенности в успехе таких перевоплощений. Так что не думай про таможенников! Их может быть двое или трое. Я же не смогу одновременно ими управлять. Всё же придется с рамами потрудиться.

– Машинально мелькнуло... – Влад зажмурился. – А если я на голову колпак из фольги напялю – ты сможешь мои мысли читать?

– Конечно. Колпак тебе не поможет, – засмеялась девушка. – И не стесняйся. Ты же во сне делаешь то, что думаешь, и – ничего. Меня это не шокирует. Да, пока не забыла! Ты, пожалуйста, больше так в лоб у Наташи не спрашивай – она это или я. До сих пор не могу придумать нормальное объяснение для девушки про эту твою выходку.

– Но я сейчас не разберу, где она, а где ты!

– А ты спроси что-нибудь этакое – я отвечу. А она не поймет. Хотя и умная девушка. Только вот вопрос надо хороший... и трудный. Например – расстояние от Земли до Солнца...

– Шутка смешная. Да я и сам не помню!

– Ладно: пароль придумай, как у ваших шпионов. И отзыв.

– А что подумает Наташа, если я каждый день или даже несколько раз в день буду повторять какую-то непонятную фразу?

– Ну, что Наташа подумает, я тебе скажу. Не переживай об этом. Вот что! Перестаем играть в прятки. Как только я вселяюсь в это тело – сразу говорю.

– Ты – умница.

– Тут сейчас две половинки целой умницы. Давай спать, заодно попробуешь решить задачку, как уместить нас обеих на одно полотно. А я тебе попозирую... Хорошо?

– Еще как!

* * *

Во сне Влад решил задачку. Картина получилась рельефной. Даже чересчур рельефной, но зато художнику идеально удался задуманный им зрительный щелчок. Самым поразительным для живописца стало то, что ему не пришлось долго ломать голову над позами Светлы и Наташи. Он просто один в один повторил Цирцею, стоя прямо перед полотном, а потом зашел, чуть ли не с торца, под очень острым углом и написал Богиню лунного света, воспроизведя уже ставший родным сюжет с качелями. Оказывается, Рощин неведомым для себя образом, рисуя первые два холста, заглянул в своё будущее желание и отгадал ответ. Удивилась даже, казалось бы, привыкшая к любым чудесам Светла:

– Это какая-то магия! У меня нет логичного объяснения, и ты его не ищи.

– Не буду, – Влад наколдовал из воздуха кувшин с водой и протянул его своей фее. – Полей, пожалуйста, на руки. Утром повторю наяву, вернее – вечером.

– Только масляных красок купи коробки две, – подсказала Светла. – Кстати, ты вчерашний улов со стола убрал? Не надо бы Наташе раньше времени...

– Конечно. А кожаный мешочек с гербом, где червонцы лежали, порезал на мелкие части и в унитаз спустил.

– Молодец, а то я, как легла – сразу уснула, не смогла тебя проконтролировать. Нелегко по телам перемещаться... – говоря это, девушка вновь и вновь испытывала зрительный эффект рожденный Владом на картине. – Волшебно! Смотрела бы и смотрела...

Довольный Роцин, развалившись в мягком кресле, как водится «заказал» шампанское, но Светла отказалась:

– Пить некогда. Тебе уже пора просыпаться – давай поцелуемся...

Влад лежал на правом боку, а к его спине плотно прижималась теплая Наташа. Роцин тихонько повернулся к ней лицом – девушка открыла светящиеся и не заспанные глаза. Она счастливо улыбалась.

– У тебя заграничный паспорт есть? – спросил Влад.

* * *

На фирме Наташе пришлось написать бумагу на увольнение. С двухнедельной отработкой. Она попыталась выпросить отпуск, но директор не внял её уговорам. Уговорам влюблённой в другого человека женщины. В ночной клуб она идти не хотела, и составить начальнику компанию для поездки на выходные в Финляндию тоже не собиралась. Да, заграничный паспорт у неё, конечно, имелся. Наташа зашла в мастерскую и присела на стул рядом с Владом:

– Завтра я принесу документы для визы.

– Да-да, я как раз своему английскому другу написал, что буду не один, и попросил его забронировать номер в отеле... Угадай, что он ответил?

Девушка, молча, помотала головой. Предстоящий расчёт и временная безработица всё же занозила ей душу.

– Вот – читай! Самые лучшие апартаменты в замке он с удовольствием предоставит для нас. Приглашение уже оформляется. У тебя много вещей? – скорее сам у себя, чем у Наташи, спросил Роцин. – Пожалуй, надо купить большой чемодан. Или наоборот – маленькую сумочку, а всё, что нужно достанем в Англии.

– Хорошо. Но можно всё-таки – среднюю сумочку? – девушка понимала – сама «всё, что нужно» приобрести не сумеет. А финансовое положение любимого друга она примерно знала. Думала, что знала. – Кстати, у меня как раз такая есть.

– Любимое платье? Туфли? Можно и среднюю!

* * *

Роцин извинился, что не сможет проводить Наташу. Ему не терпелось повторить полотно из сна. Однако он строго-настрого велел ей – никуда вечером одной из дома не выходить.

– Завтра – пятница, приглашаю на выходные в гости.

– На целых три дня! – воскликнула девушка.

– Ну, да. Сразу после работы и отправимся. Зубную щетку купим по дороге...

Девятая глава

Только наутро Рошин положил кисти и палитру. Умылся, побрился, но на фирму идти раздумал. «Скажусь больным», – решил он. Ему стало жаль отрываться от картины, готовой лишь наполовину. Он взял телефон:

– Наташенька, не спишь? Доброе! Скажи, пожалуйста, шефу нашего отдела, что я приболел... Нет-нет! Здоров. Я хотел сказать: соври шефу нашего... Рисую... Вечером увидишь. Целую.

Влад сварил кофе, влил в чашку коньяк и вновь вернулся к полотну. Теперь ему предстоял самый сложный фрагмент – вписать под острым углом Богиню лунного света и добиться щелчка. «Ничего! Почти как подмигивающая девушка на японской открытке. Смогу!» – убеждал он себя, выдавливая из тюбиков на палитру белила и сурик. Художник помнил все малейшие оттенки и каждый свой мазок во сне. Просто их надо повторить наяву. Так прошло еще почти десять часов. Рошин оторвался, лишь открывая дверь званой гостье. Он поздоровался поцелуем, попросил её хозяйничать и дать ему еще немного времени. Наташа только на секунду заглянула в комнату и чуть не на цыпочках прошла на кухню. Она принесла с собой два пакета с продуктами и любимым ими обоими красным «Порто». Теперь, стараясь не шуметь, девушка нарезала салат.

– Освещение! Как же я забыл про это! – донесся из комнаты возглас её друга. – Наташенька, иди сюда!

Дважды ему повторять не пришлось...

Посреди комнаты, держа в руках зажженную настольную лампу, стоял Влад. Круг яркого света падал на новую картину. Рошин в двух словах объяснил Наташе, как и откуда на неё надо смотреть. Эффект был поразительный. Девушка как-то по-особенному сильно ощутила зрительный щелчок и смену героинь, только что рожденного творения, она даже принялась тереть глаза.

– Нет-нет, всё нормально, – успокоил её Влад. – Я этого и добивался. Нравится?

– Ты гений... – немного растерянно произнесла Наташа, и добавила: – Я уволилась, чтобы ехать с тобой в Англию. По-другому никак не получалось.

– Ну, и правильно! – Рошин махнул рукой: – Не переживай о деньгах. Что-то – так есть хочется. И пить...

– Через минутку всё будет готово! – восторгалась верная подруга и умчалась на кухню.

* * *

Уже через секунду после взлёта до вершины любовных объятий Рошин крепко уснул.

* * *

Светла медленно плыла в спокойной прозрачной речке. Заметив стоящего на песчаном берегу Влада, она перевернулась на спину:

– Не стала сегодня вселяться. Ты был такой уставший. А поговорить и здесь можно замечательно. Залезай в воду! Теплая как одеяло.

Рядом с феей на глубине мелькнула длинная темная тень. Рошин чуть не подпрыгнул и ткнул туда пальцем:

– Рыба!

– Да и Бог с ней! Вот, если бы ты сказал крокодил – тогда плохо бы мне пришлось.

Влад осознал свою оплошность. Ведь с недавних пор, что бы он ни загадывал во снах – сразу происходило. Он поспешил исправиться:

– Дельфин! Это дельфин.

– Ну, и славно. Нырять ко мне!

– А плавки?... – Роцин было начал вопросительно хлопать себя ладонями по бокам, но плавки уже оказались на нужном месте. Он оттолкнулся от земли и на манер циркового акробата, прежде чем плюхнуться в речку, совершил какой-то невиданный кульбит. Брызги долетели до девушки.

– Мой победитель! – засмеялась Светла. – Радуюсь вместе с тобой.

– Ты же еще не видела картину?! – пробормотал Влад, подплывая к ней поближе.

– Зато твои мысли услышала – «точно такая же, как во сне». Посмотри-ка направо, это не твои гости?

Роцин повернул голову в сторону бесконечной степи, поросшей кое-где кустарником. Оттуда к реке приближались какие-то люди. Шесть или семь длинных темных фигур пылили по грунтовке. Лиц не разглядеть, но даже издали от них веяло резко враждебным настроением.

– А где твоя одежда? – забеспокоился Влад.

– Ну, мы же не на Невском проспекте. Так ты их не знаешь?

– Нет. Они, по-моему, в военных шинелях. Зачем они здесь?!

– Успокойся, пожалуйста, – Светла под водой обняла любимого за плечи. – Это какие-то твои давние страхи. Сейчас же жизнь прекрасна, и ты волнуешься, что враги всё испортят. Как они сюда пробрались, ума не приложу?!

– Какие враги?! Вроде таких не заводил...

– Я условно сказала, имея в виду обычных людей. Чужих. Пусть подойдут поближе, хочу истоки понять, чтобы избавиться от них навсегда.

Роцин занервничал всерьез. Он всегда боялся, что их мирное и гладкое общение со Светлой нарушат – так и случилось. Влад вывернулся из объятий феи, поцеловал её в мокрое плечико и сильными гребками увлек свое тело к берегу с чужими.

– Сам от них избавлюсь! – крикнул он, обернувшись: – Только ты не подходи туда. А, если что – улетай!

Группа неизвестных лишних людей в шинелях и сапогах остановилась в нескольких метрах от реки. Роцин быстро шел к ним по мелководью. «Эх, жаль – босиком! Не пнёшь!» – подумал он, совершенно забыв, загадать себе любую обувь. Когда до посторонних оставалась пара шагов, двое со стертыми лицами бросились к Владу с разных сторон и крепко, как тисками, схватили его за руки. Художник пытался вырваться, но безуспешно – силы были неравны. Остальные незнакомцы, грубо топая по воде, побежали за Светлой. За беспомощной обнаженной Светлой. А она, казалось Владу, не могла сдвинуться с места, даже течение остановилось, словно кругом была не вода, а вязкая смола...

* * *

Роцин проснулся в холодном поту. Светла ласково гладила его по влажным волосам и шептала:

– Это я. Я здесь, и меня никто не схватил. Успокойся, мой родной.

Влад лежал некоторое время, затем тяжело вздохнул и поднялся. Он выпил стакан минералки, закурил:

– Что это было?! Откуда они взялись?

– Из твоей головы. Я же говорила...

– Но я совершенно ничего не мог с ними поделать!

Светла похлопала ладонью по ложу рядом с собой:

– Бери пепельницу и иди сюда. – Когда Рощин присел, она продолжила: – Ты боролся сам с собой, потому и не победил. Причем твоя обратная сторона страхов настолько сильна, что даже я не смогла прогнать эти видения. Знаю, что ты боишься потерять меня в один миг или никогда не отыскать. Прекрасно знаю. Но самое главное – никогда не теряй себя, и я никуда не пропаду – ты меня найдешь и спасешь. Это будет. Обязательно. Я тебя научу, как выкинуть врагов прочь. Попробую научить. Но основную часть для победы над ними ты должен сделать самостоятельно.

– Пойду снова заниматься каратэ! – Влад решительно затушил окурок.

– Пойди, – Светла засмеялась. – Это добавит уверенности. Только в меру тренируйся, не переусердствуй. Наконец-то к тебе вернулся здоровый позитив! И помни – я всегда рядом с тобой. А вместе мы справимся с чем угодно.

– После выходных хочу проехать к дому Наташи. Спрошу её, где всё случилось и найду подходящее дерево.

– И убийц её мужа поймают, – резюмировала фея. – Только надо обдумать...

– Уже обдумал. Вот слушай! – Рощин взял девушку за руку. – Меня наверняка ищут еще после того видео с насильником. Новая запись нападения в Наташином дворе вообще полицию с ума сведет.

– Думаю, не только полицию, – проговорила Светла. – И по короткому пути приведет к тебе.

– Так я сделаю записи с десятка преступлений! Новости просто кишат убийствами и разбоем – только успевай деревья выбирать!

– Хорошо, – фея, наконец, согласилась с его доводами. – Но обещай послать диски прямо перед вылетом в Англию!

– Обещаю и торжественно клянусь! – Влад расплылся в улыбке.

– Вот и чудно. А сейчас спать! Давай на этот раз в море поплаваем?

– Давай! – кивнул Рощин и повалился на подушку. – Выбери пейзаж где-нибудь в Испании... Была там?

– Нет. Но что-нибудь придумаю.

Десятая глава

У Рощина никогда еще не случалось таких органичных и насыщенных приятными заботами выходных. Днем он гулял с Наташей по любимым в Питере местам, а ночью дрался с посторонними в шинелях, защищая Светлу. С каждым разом у него получалось всё лучше. Влад научился контролировать своё беспокойство по поводу посягательств неведомых врагов на их мирное общение. На их любовь. Он нарочно сам вызывал их в свой сон и дрался, словно Спартак на арене: против десяти, против пятнадцати человек. И побеждал. Недруги уползали, растворялись в воздухе, а смеющаяся фея аплодировала, дарила алую розу и целовала. Художнику нравился этот героический спектакль. Он бы с удовольствием продолжил развлекаться подобным образом, но после пятой или шестой славной битвы Светла ласково пожурела его. И очень убедительно попросила остановиться. Дескать, пора бы уже чем-нибудь поинтересней заняться. Того же шампанского выпить за беседой. Рощин тут же наколдовал всё, что нужно и по обыкновению засыпал фею старыми вопросами. Где она, кто она и другими подобными загадками, над которыми он давно ломал голову. Девушка пообещала не разочаровывать любимого молчанием слишком долго, но, заметив его расстроенное лицо, в порядке компенсации подсказала, как настроить просмотр записей для определения нужных действий. Уже утром Влад написал под её руководством в облике Наташи компьютерную программу и испытал в действии. Ныне стало достаточно сказать в микрофон: «драка» или «убийство», и нужные моменты хоть со столетней записи находились и копировались в отдельные файлы в течение нескольких минут. Для опытов пригодился спил старой сосны из Сиверской, валявшийся среди других «блинов» в углу. Правда, ни одно из преступлений не годилось для раскрытия. Самое свежее душегубство относилось ко временам второй мировой войны. То ли полицаи вешали партизана, то ли – наоборот?!

* * *

На вечер понедельника Влад не договаривался о встрече с Наташей. Он уже сильно соскучился по своему аппарату, да и девушка особо на свидании не настаивала. Она боялась надоесть, перекормить собой милого друга. Да и по идеально сверкающей ванне истосковалась. Ей очень хотелось полежать в теплой водичке с закрытыми глазами и помечтать, как всё будет в Англии?

Рощин секунда в секунду запараллелил записи, сделанные с четырех сторон драгоценного дерева, чтобы узнать, кто тот таинственный человек, который сто тридцать лет назад зарыл клад. Причем, по просьбе папы любимой Светлы. Влад наговаривал в микрофон наиболее подходящие для поиска фразы: «рыть землю», «копать почву», но папка для файлов оставалась пустой. «Как же он затолкал их туда?!» – вслух с отчаянием произнес он. И его осенило. Именно, затолкал! Он пробасил в микрофон: «Затолкать изумруды в землю». Программа оказалась удивительно чуткой и умной – совсем как Светла – через некоторое время более полусотни видеофрагментов ожидали просмотра. Рощин щелкнул мышкой по первому, а затем и по второму файлу.

Некий интеллигентный уже немолодой гражданин с бородой ходил вокруг дерева, ронял из мешочка изумруды и аккуратно заталкивал их тростью в мягкую почву. Влад даже разглядел, что на нижнем конце тросточки находился специальный металлический набалдашник в виде чашечки. Туда камень попадал, словно в надежную оправу и легко уходил на глубину. Да там и оставался. Лицо у господина показалось Рощину знакомым, но он сомне-

вался: «Ну, нет! Не может быть!?» Влад быстро набрал в поисковике фамилию и взгляделся в портрет. Сомнения пропали. Это был Менделеев. Знаменитый русский ученый Дмитрий Михайлович Менделеев.

* * *

Рощин аккуратно заворачивал изумруды в фольгу, пока разведенная смесь плиточного клея и отмученного мела подсыхала в миске до нужной кондиции. Он заранее подготовил полторы сотни углублений в трех рамах с завитушками, сделал аккуратные узкие пропилы с боков по всему периметру и залил в распылитель бронзовую краску.

Влад настолько поразился вчерашним открытием имени кладохранителя, что даже мысленно не стал донимать фею вопросами. Он вспоминал прошедшую ночь, когда встретился со Светлой в странной обшарпанной квартире. Анфилада унылых комнат тянулась до бесконечности. За окнами пасмурно, грязные обои и никакой мебели. Парочка искала, где присесть – кресла почему-то не наколдывались. В конце концов, только на большой замызанной кухне с десятком керосинок и примусов, стоящих на сально-клеёнчатом столе, они нашли пару табуреток. Вода гулко капала из крана в чугунную раковину.

– Буду знакомить тебя с моими родственниками, – Светла посмотрела Владу в глаза. – Помнишь, я обещала. Ты не возражаешь?

– Нет. А как я могу?! – развел руками Рощин.

– Молодец! Уже понял, почему ни ты, ни я – ничего не можем тут изменить?

– Есть кто-то третий... Посильнее нас.

– И четвертый тоже. Папа и мама.

– Тогда я не понимаю, кто кому снится?

Девушка положила ладонь любимому на плечо:

– А это не сон. Это общение, просто на другом уровне. Не бойся ничего...

Сразу после этих слов на кухню уверенно вошел высокий седовласый господин с удивительно голубыми глазами, а следом за ним – очаровательная дама лет сорока. Оба разодеты, как на вечерний прием у английской королевы. Улыбаясь, они поздоровались. Влад пружиной поднялся с табурета:

– Добрый день! То есть, ночь.

Светла подошла к родителям для дежурных поцелуев, а потом повернулась к Рощину:

– Познакомьтесь, пожалуйста...

– Владимир, – представился еще немного взболтанный художник.

Седой господин протянул руку для пожатия:

– А меня зови – Гермес.

Следом Рощин шагнул к его спутнице и чуть каблуками не щелкнул. Роскошное бальное платье обязывало. Она же подала ему узкую ладонь.

– Лада, – бархатным голосом произнесла прекрасная дама. – Нет-нет. Не надо руку целовать! Ты мне и без того нравишься. Даже очень. И моему супругу тоже. Мы видели твою скульптуру – она великолепна!

От этой фразы Рощин даже покраснел.

– Мама, не смущай моего любимого! – громко прошептала Светла. – Кстати, ты еще его картины не видела...

– Может не стоит так сразу... – начал было Влад.

– Стоит-стоит! Знаешь, зачем родители пришли?

– погоди, Светлочка, я сам всё расскажу твоему молодому человеку, – неторопливо сказал Гермес. – Во-первых, мы хотели заглянуть в твои глаза. Заглянули. Всё – замечательно!

А во-вторых, я должен тебя предупредить, что назад пути уже не будет. Не собираюсь тебя пугать, но, если попадешься с камнями на границе... Ты готов рискнуть и победить?

– Отдайте мне Светлу в жены! – вдруг выпалил Рощин.

– Понятно, – пробормотал Гермес и усмехнулся. По-доброму.

– Молодец! – воскликнула Лада. – У тебя всё получится! Вернее, у вас со Светлой. Мы уже давно отдали её тебе в жёны. Очень-очень давно.

– Спасибо, – только и нашел, что ответить Влад, одновременно – подумав: «Что значит, очень-очень давно?»

– Всему своё время, – сказал Гермес. – Извини, услышал по привычке. Больше не буду так вторгаться. И вот еще что: мы за тобой не следили и никогда не станем. Ты совершенно свободен и независим. Со Светлой – это ваши личные дела. Сами определяйтесь. Но, когда мы понадобится – позови. Именно – позови, а если у тебя просто в мыслях что-то появится о нас – мы этого не услышим. Понимаешь? Твои мысли, Володя, – всегда останутся только твоими. Будь то во сне или наяву, или ещё где.

Нарядные костюмы родителей Светлы уже не так сильно контрастировали на фоне ужасной коммунальной кухни.

* * *

Закончив укладывать изумруды в ложбинки рам, Влад вставил в пропилы полоски фольги. «Хрен, они чего на таможене просветить сумеют!» После чего принялся лепить поверх ценной начинки свеженькое барокко.

Когда родители Светлы так же внезапно ушли, как и появились – Рощин попил холодной воды прямо из-под крана и, весело глядя на свою фею, уселся на табурет:

– У тебя очень красивая мама.

– Она не станет тебе позировать.

– Да я же не в этом смысле!

– Шучу-шучу! Ты им тоже понравился.

– Это я понял, – Влад притянул любимую за руку и усадил к себе на колени. – А где они живут, откуда пришли?

Девушка пожала плечами:

– Честное слово, не знаю, как тебе объяснить. Они примерно в таком же положении, что и я. Только в другом месте.

– В плену?

– Правильнее назвать это заточением. Тебе придется и их спасти. Тут находилось только их сознание и видимые образы.

– И это я тоже понял. Так, где они? – нетерпеливо спросил Влад.

– Глубоко под землей.

Одиннадцатая глава

Почти весь рабочий день Роцин дозванивался до нужного чиновника в департаменте культуры. Для вывоза собственных картин за границу нужна справка, что они не представляют для государства никакого интереса. Бумажка с печатью. Когда Наташа в очередной раз зашла в мастерскую навестить его – заметила расстроенное лицо друга:

– Не получается? Разреши мне попробовать?

– Ты меня спасёшь! – Влад протянул ей распечатку с номерами телефонов.

Уже через несколько минут девушка вернулась, загадочно улыбаясь:

– Встречаемся. Сегодня вечером. Помнишь цивилизованную рюмочную на Невском?

Коньяк, лимончики...

– Конечно! На левой стороне недалеко от Дворцового моста. – Совершенно верно!

– С кем встречаемся-то? – всё ещё не мог сообразить Роцин. – С чиновником. Его мобильный я записала, если – что.

– Лихо!

– У меня работа такая – дозваниваться и договариваться. Пока ещё работа...

В забежаловку на проспекте Наташа и Влад отправились вместе, под ручку. Роцин подумал, чем больше открытости, тем меньше подозрений. Просто надо чуть-чуть с разрешением поторопить – до отъезда в Англию осталось всего три недели. Наташа заняла узенький столик у окна, а Влад взял у стойки четвертинку виски, бутылку колы, лед и три стакана. Почему-то он решил, что «культурный» чиновник пьёт именно такой коктейль. И не ошибся. Облеченный властью гражданин явился без опозданий и чуточку фамильярно даже для желанного гостя – самостоятельно приготовил себе напиток, исчерпав практически всё горячительное.

– Владимир, предлагаю два приемлемых варианта, – сходу заявил чиновник после пары глотков, бегло пролистав альбом с фотографиями картин. – Выездной: прихожу к вам, смотрю на полотна, проверяю их и даю справку через неделю. Обойдется в пятьсот долларов и госпошлина две тысячи рублей. Второй вариант – дистанционный. Даете мне заявление, список картин и фото. Через два дня – разрешение на вывоз из страны. И за всё про всё – тысяча долларов. Давайте – чокнемся!

– Плюс госпошлина? – спросил художник.

Сговорчивый бюрократ чуть не поперхнулся:

– Нет! Всё включено.

Роцин не стал строить из себя миллионера:

– Нас больше устраивает первый вариант. Знаете, всё же тысяча...

– Ясно-ясно. Пойду навстречу творцу. Я случайно захватил с собой чистый бланк заявления и квитанцию для госпошлины. Справку получите через четыре дня. Вы, надеюсь, захватили с собой пятьсот долларов и две...?

– Конечно! – шёпотом воскликнул Влад и, отсчитав деньги под столом, незаметно протянул их чиновнику. – Тут вся сумма. – Волшебно! – тот спрятал купюры в карман. – Вот вам бумаги – заполняйте, я их с собой заберу вместе с фото. А пока вы трудитесь, можно вашу даму попросить, ещё взять виски? От духоты в горле пересохло.

Когда Наташа отошла к стойке, бюрократ склонился к Роцину и вполголоса проговорил:

– Завидую вам, молодой человек. У вас такая прекрасная муза. Поэтому, хочу обрадовать, домой я к вам не поеду и от дела отрывать не стану. А дозволение принесу сюда же, в эту пятницу. Вечером. Заодно и отметим будущие выходные и вашу поездку за кордон.

«Всё как по маслу – подумал Влад, – Уж не вселилась ли в него Светла?»

* * *

Наташа долго вертела в руках разрешение на вывоз картин в Англию, пока Влад не забрал его и спрятал в старинный комод. Чиновник оказался на редкость честным человеком. Он, действительно, принес документ в пятницу вечером, но прежде, чем отдать его – угостил спиртным на полсотни долларов. Теперь парочка друзей-любовников, развалившись на диване, наслаждалась заслуженным отдыхом. На сиденье венского стула – журнального столика бабушка не оставила – в бутылке и рюмках пурпуром отливал портвейн.

– Всё же, они – круглые дураки! Написали, что твои полотна не являются культурной ценностью, – воскликнула немного захмелевшая Наташа. – Если это – не культурная ценность, то, что же тогда – культурная?!

– О чём ты говоришь!? Все музеи ободрали – Рубенса сотоварищи вывезли. А тут какой-то новый и никому неизвестный, – Рощин ткнул в себя пальцем. – Это очень хорошо, что обошлось без загогулин. И дальше бы так!

Всю прошедшую неделю Влад после работы мотался по Петербургу, записывая с деревьев старые и новые нераскрытые убийства. Чаще он держал кейс с аппаратом в руке, а время от времени – ставил его на крышу машины, чтобы дезориентировать желающих отыскать оператора по какому-то одному признаку. Номером один, конечно, стали Наташины изверги. После первого просмотра Рощин задумался, не отыскать ли самому этих бандитов? Но здравый смысл быстро взял верх над почти благородным порывом. Совершенно ясно, что рекламный художник не сумеет самостоятельно найти злодеев в многомиллионном городе. Ни по фото, ни по видео. И даже, если встретит случайно или намеренно, то – что сделает? Вопрос без ответа.

За три вечера Влад смонтировал семнадцать убийств и два разбоя с огнестрельными ранениями. Самое давнее преступление случилось год назад, а самому новому исполнился лишь месяц. Рощин был уверен, что в этой мешанине сроков, полиция не сможет вычислить – откуда ноги растут. Он заготовил пять конвертов с дисками и убрал их подальше, до отъезда в Туманный Альбион.

Двенадцатая глава

Боинг, легонько вздрогнув, оторвался от земли, сразу стряхнув с Влада и Наташи чисто российские заботы. Таможню фанерный ящик с картинами прошел легко. Его даже не вскрывали, только слегка попугали художника монтировкой и клещами. Рошин, стараясь расслабиться, даже отвернулся, и это удачно сыграло на ушлой психике людей в форме. Раз хозяина не волнует, что случится с его картинами, то и им сразу стало неинтересно. Лента транспортера утащила ящик в темное нутро аэропорта, а Влад выдохнул – не пришлось звать на помощь Гермеса и Ладу. Теперь драгоценный груз покоился в багажном отсеке лайнера.

* * *

Последнюю неделю перед Британией Влад практически все время жил у Наташи. Точнее – у Наташи со Светлой. Перевоплощения происходили настолько часто, что Рошин даже начал путать имена. Фея реагировала спокойно и отмахивалась от его извинений. Дескать, сама виновата. Сложнее, оказалось, объяснять оговорки Наташе. А однажды Влад чуть было не заявил девушке, когда Светла неожиданно покинула её тело, что надо заранее предупреждать. Он уже начал предъявлять претензии, но осекся на полуслове, заметив удивленные глаза подруги. Попробовал списать всё на нервозность, но получилось как-то неумело. И Наташа дулась на него минут сорок.

За эти дни Светла ухитрилась даже несколько раз приготовить романтический ужин. Правда, за продуктами всегда ходил Рошин. С очень длинным списком. Взыскательный вкус феи удавалось удовлетворить лишь на одну треть. Влад понятия не имел, где достать лопатку молодого оленя, свежее мясо морской черепахи и тому подобные изыски. Пришлось обойтись обычной телятиной и крабами, художник подошел к замене всего непривычного творчески.

За день до вылета он съездил на окраину городка Гатчина, где и в помине никто не слышал о камерах видеонаблюдения, установленных на улицах, чтобы безопасно отправить письма с записями преступлений в полицию, прокуратуру и в редакции.

Всё время полета Наташа сияла от счастья. Пластиковый стаканчик с шампанским не в счёт. Ей казалось, что впереди ожидает только хорошее и непременно вместе с Владом. «И не обязательно становиться мужем и женой! – сама себя уговаривала девушка. – Миллионы пар замечательно живут и без официальной регистрации. Дети? В конце концов, можно усыновить ребенка или найти суррогатную мать. Хотя, что это я размечталась?!» Наташа искоса посмотрела на друга – не слышит ли он её мысли? – «Нет. Он, кажется, наконец, расслабился и задремал после всех этих переживаний с багажом». Девушка накануне предложила Владу полностью переехать к ней и отказаться от аренды квартиры. «Разве нам не хватит трех комнат?! – убеждала она. – В одной – твоя мастерская, в другой – выставочный зал, а спальню я буду с удовольствием делить с тобой». Рошин поблагодарил её, но сказал, что ему пока удобней оставить всё как есть: «А после Англии видно будет. Разберемся, где нам жить».

* * *

Самолет еще только подруливал к гармошке для пассажиров, а Рошин уже включил мобильник и набрал номер Майкла.

– Приветствую тебя и твою девушку на британской земле! – воскликнул Дорсет вместо сухого «алло». – Надеюсь, всё в порядке?

– Всё сказочно! – ответил Влад. – Где мы встретимся?

– Здесь! Я в Северном терминале Гатвика, а моя машина на ближайшей парковке.

– А мы на какой терминал прилетели?

– На Северный, конечно. Кроме картин, багажа много?

– Одна сумка, но она с собой, – живо откликнулся Рошин, порадовавшись своей предусмотрительности – не брать больших чемоданов.

– Хорошо. Идите спокойно и получайте картины. Да, и не бойся нашей таможни. У нас культурная страна и русских художников любят. Буду вас ждать у третьего выхода. Узнаешь меня по свежему номеру газеты «Правда» в правой руке, – повторил Майкл бородатую советскую шутку о доблестных разведчиках.

– От Гатвика дорога идет через Брайтон, – произнес Дорсет, выруливая на громадном джипе со стоянки. – Нам по пути и до него всего двадцать пять миль. Помнишь, ты мечтал погулять по набережной? Сходить в театр на мостках? Можем остановиться ненадолго – заодно ноги разомнете. И по кружечке эля! За мягкую посадку.

– Давай! – сразу согласился Влад, но потом поправился. – Только от машины далеко отходить не станем.

Майкл усмехнулся:

– Мою машину не угонят. Тут столько всякой электроники наворочено! Да и потом в Брайтоне мы хоть в бар въедем. Если захотим. Это же не Лондон. Твоя невеста любит эль?

– Понятия не имею! – самостоятельно откликнулась Наташа. – Но попробую с удовольствием.

– Тебе понравится! – обернувшись, Рошин подмигнул подруге, которая уютно устроилась на заднем сиденье.

Дорсет остановился у бара на старинной улочке Брайтона, архитектурой и атмосферой напоминающей Петербург:

– Начнем с выпивки, а потом проедем на набережную. И, кстати, тут можно курить – я забронировал для нас отдельный зал.

– Целый зал?! – изумился Влад. – Зачем?

– Ну, комнату. Комнатку... – Майкл посмотрел на часы. – Прибыли вовремя, значит, горячие закуски уже должны быть готовы. Прошу-прошу!

Ни одного свободного места не наблюдалось.

– Видите, – Дорсет поднял вверх указательный палец. – Разгар курортного сезона.

Увидев входящих друзей, хозяин заведения заулыбался и вышел из-за стойки к ним навстречу:

– Добро пожаловать! – сказал он по-русски с приятным акцентом, потом продолжил уже на родном языке. – Проходите в ту красивую дверь за портьерой, вам сейчас подадут напитки и адмиральский салат.

В отдельном кабинете, стилизованном под капитанскую каюту на каравелле или бригантине, сервировка тоже гармонировала с морским настроем. Официантка в плотно облегающей её фигурку тельняшке за несколько плавных выражений быстро оживила стол. Серебряное блюдо салата, кувшин эля, кусок холодной говядины, дымящаяся хищная рыба с апельсином в открытой пасти и много других вкусовностей призывали попировать от души.

– Чуть-чуть перекусим... – Майкл наполнил кружки из кувшина. – И – на воздух!

– Это, по-твоему, чуть-чуть? Сразу видно, что ты в России пять лет прожил! – Рощин нанизал на вилку с тремя зубцами кружочек колбасы. – Почему такой роскошный приём? Я понимаю, что ты – граф, но всё-таки?

– Расскажу тебе последнюю новость. Наташенька, кушайте-кушайте! – Дорсет подвинул к девушке только что принесенную тарелочку с фуагррой из гусиной печени. – Так вот, неделю назад королева назначила моего отца лордом-хранителем малой печати. Все газеты об этом писали. Не забыли и про семью, и про меня, в частности. И везде – фото, фото...

Влад замер. Похоже, его надежды найти в Англии покупателей на драгоценности рушились. «Ну, не будет же сын такого вельможи заниматься камушками! А, кстати, какого вельможи?» – подумал Рощин и поинтересовался вслух:

– Поздравляю! Все же, Майкл, объясни, что это за должность?

– Ну... – задумался граф. – Пятая сверху вниз, если без затей.

– Во всей Великобритании? – захотела уточнить Наташа.

– Да, – просто ответил Дорсет. – Сначала его, конечно, выбрали председателем Палаты лордов. А потом уж и королева... Он и так практически постоянно пропадал в столице, теперь окончательно переселился вместе с мамой в лондонский дом. Так что – замок в нашем полном распоряжении!

– Лихо! – воскликнул Влад. – Вот, что значит стабильная страна с вековыми традициями. А как же – председатель Палаты лордов? Твой отец ушел с такого поста?!

– Нет. Он – и председатель, и хранитель одновременно. У нас так можно. – Майкл пристально посмотрел на русского друга. – Давай-ка расслабься и не бери в голову! Эй, юнга! Принеси бутылку односолодового! Тебе, Влад, надо полстаканчика и безо льда. Знаю, о чем ты подумал. Вы меня не только не стесните, а даже наоборот. Я хочу заниматься выставками и занимаюсь. Мне в настоящий момент только это доставляет удовольствие. И от приемов во дворце вы меня не отвлекаете.

– Во-во! Королевские приемы и, наверное, балы приходится пропускать? Мыслишка мелькнула – верно.

– Забудь, – махнул рукой Дорсет. – Выпей и выкинь из головы. Там папа с мамой красуются. Им и без меня не скучно.

С наступающим насыщением пирушка плавно угасала. Когда Наташа вышла подкрасить губки, Влад придвинулся к Майклу, который как раз изучал счёт, и вполголоса предложил:

– Давай я тоже поучаствую. Сколько там?

– Оставь, пожалуйста, – граф достал кредитную карточку. – Вот когда твои картины продадим – тогда устроишь банкет. В лучшем ресторане.

– Думаешь, хватит на лучший?

– Хватит на небольшой остров! Главное в искусстве – грамотно его преподнести народу. А у меня есть прекрасная идея.

Тринадцатая глава

* * *

Четырнадцатая глава

Ксеноновый свет фар на поворотах вырывал из мрака ночи придорожные кусты и деревья. Владу постоянно казалось, что еще чуть-чуть, и их джип столкнется с встречной машиной. За пару часов он пока не привык к левосторонней английской езде. «Как же мне теперь быть?! – размышлял Рошин. – Не выковыривая камни, назад всё в Россию везти? Вот бы со Светлой посоветоваться, а еще лучше – с её папой! Или не стоит? Сам разрулю! Надо аккуратно поговорить с Майклом, когда останемся наедине...»

* * *

Прогулка по Брайтону затянулась до сумерек. Друзья побродили по пирсу, на котором шумел парк аттракционов, заглянули в пару кофеен, на пляж. Влад, даже символически умылся морской водой Ла-Манша. Солнце особо не баловало, но Дорсет не расставался с темными очками. В баре он в качестве сувенира прихватил морскую фуражку – именно в таких щеголяла половина слоняющихся по городу мужчин. «Не хочет выделяться из толпы», – решил Рошин, а вслух поинтересовался:

– К папарацци еще не привык?

– И не собираюсь! – весело помотал головой Майкл. – Пойдемте, я вам одно здание покажу, а вы попробуйте догадаться – что там.

– Окей! – хором воскликнули Влад и Наташа.

– Фу-фу-фу! Прямо – американцы какие-то! Как не стыдно?! – пожурил их граф.

В трех кварталах от набережной, посреди просторного сквера с подстриженной травкой возвышалась каменная громада в мусульманском стиле. Троица остановилась у низкой ограды.

– Ну-с? – улыбнулся Дорсет.

– Это резиденция короля Саудовской Аравии! – выпалил Рошин.

– Мечеть? – продолжила угадку Наташа, заметив, что на вариант Влада Майкл поджал нижнюю губу. – Точно! Медресе или мечеть!

В эту минуту к главному входу подкатили несколько роллс-ройсов. Нарядные люди в европейской одежде, выбравшись из машин, столпились вокруг невесты и жениха. Потом вся эта шумная гурьба скрылась в здании.

– Вот тебе и мечеть! – изумился Влад. – Молодожены туда вошли, не разуваясь, да еще с кучей орущих гостей. На мусульман не похожи...

– Вполне себе обычные англичане, – заметил Майкл. – Видишь, приехали свадьбу отмечать.

– Так это кабак?! – воскликнул Рошин.

– Почти угадал, – Дорсет поднял руки вверх. – Сдаюсь. Это летний дворец английской королевы. Правда, лет сто назад она его продала Брайтону.

– Королева – городу?

– Ну да. Теперь здесь музей и несколько банкетных залов, – вглядевшись в лица своих заморских гостей, Майкл поцокал языком. – Смотрю, вы устали – пойдемте к машине, в дороге расслабитесь.

– Как тебе наш приморский Лондон? – спросил Майкл, распахивая дверцу джипа перед девушкой друга.

– Спокойно и красиво, – ответила Наташа. – И, судя по лицам, тут живут счастливые люди.

– Влад, а ты что молчишь?!

Рощина все еще сильно заботила проблемная новость про знатного папу, он даже вздрогнул:

– Люблю, когда не жарко и не холодно. И воздух свежий!

– Недаром вся русская эмиграция обожает здесь селиться, – Дорсет шумно вздохнул. – Юг, море...

– Да уж! И лучше, чем в Сочи. Рекомендуешь и нам присоединиться? В будущем...

– Только не здесь! – воскликнул граф. – Это город бездельников! А вот домик в Вест-Энде – то, что нужно. А-а-а, вы же не знаете. Это район такой в Лондоне. Тихий-тихий. И соседи приличные...

* * *

Машину графа обогнал какой-то чересчур безумный лихач на приземистом спортивном автомобиле. Некоторое время он елозил прямо перед капотом джипа, будто дразнил, потом рывком умчался вперед.

– Мудон! – шепотом выругался Майкл. Спohватившись, что в салоне дама, он, поморщившись, обернулся назад, чтобы извиниться, но не судьба. Наташа незаметно для мужчин уснула. Граф облегченно выдохнул.

– Бывает, – вполголоса заметил Влад. – Тоже таких козлов не люблю. Еще и не такое ляпнешь!

– Я не просто так таскал вас по Брайтону до ночи, – вдруг заговорил Майкл, не обращая внимания на утешения Рощина. – Пока рановато нам вместе белым днем светиться в Дорчестере. Там всего шестнадцать тысяч жителей – и сейчас практически все внимание на меня. Из-за отсутствия родителей. Моментально появится наше совместное фото в местной газетке и на полутора десятках всевозможных сайтов. Начнется придиричивое выяснение, что за гости и откуда? Нам этого совсем не надо. Пока не надо. Хотя, знаешь, как мне не терпелось быстрее приехать домой и посмотреть на твои полотна!

– А мне не терпится – показать! – сказал Рощин. – Похвастаться. Мне кажется, я, наконец, нашел собственный стиль...

– Посмотрим-посмотрим,... но ты его еще в академии нашел. Простые чувства простых людей...

– Глубже влез. Гораздо глубже, – Влад даже рукой показал, на какие невероятные глубины он забрался.

– Правда? Значит, вообще всё получится прекрасно!

– Что получится-то?! Выставка?

– Художник стоит не столько – сколько реально стоит, а столько, сколько за него платят, – сходу деловито начал Майкл, не отвечая прямо на вопрос друга. – Согласен? Да. Вот мы и сделаем, чтобы за твои картины щедро платили... Выставка сама по себе мало, что значит, если её правильно не подготовить. Доедем, расскажу в спокойной обстановке. Не отвлекаясь на дорогу. Или – хочешь, садись за руль...

– Нет! – немного испуганно воскликнул Рощин. – В темноте меня точно вправо перевесит.

Пятнадцатая глава

Таких шедевров я ожидать не мог! – Майкл восхищенно смотрел на волшебных красавиц Влада. – Нет, я представлял, что ты меня поразишь, но так! Действительно, заглянул в самую душу! Забрался туда целиком. Причем, не только к героиням, но и к зрителю. А то, что ты сотворил со сменой образов – вообще не поддается никакому мыслимому сравнению. У меня нет слов. Одна сплошная зависть. Шучу-шучу. Я, правда, искренне рад за тебя. А раз я твой галерист, то и за себя! Для меня собственно и работы по раскрутке будет немного. Ты уже всё сделал. Только чуть-чуть подтолкнуть.

Рощин с Наташей, улыбаясь дуэтом, расслабленно сидели в креслах гостиной замка, после того, как устроили графу импровизированную галерею, расставив картины на стульях вдоль стены.

* * *

Они добрались в Дорчестер, когда уже начинало светать. На улицах городка лежал прохладный туман, сползая с заросшего лесом пригорка. Машина плыла по дороге словно катер – колеса скрывались в молочном воздухе. Дома как-то резко кончились, и шоссе потянулось вверх, к громадной каменной арке с гербом. Майкл пикнул электронным ключом, и чугунные ворота медленно распахнулись в стороны. Вековой парк. Даже в полудреме у Влада мелькнула мысль, что с его аппаратом тут работы непочатый край. Толстенные дубы и вязы как будто беззвучно кричали о сокрытых в их памяти мрачных британских тайнах. Никакого рва с водой, как ожидал Рощин, у стен замка не наблюдалось. А само здание состояло из двух высоких башен по краям и трехэтажного дворца в центре. Граф подрулил к парадной лестнице и едва лишь затормозил, как резная дверь открылась, и симпатичная горничная в белом переднике замерла возле нее.

– Влад, буди Наташу, и пойдем спать, – с трудом сдерживая зевание, сказал Майкл.

– Хорошо. А картины?

– Не переживай, их отнесут в гостиную. Или хочешь – в ваши апартаменты?

– Да ладно, пусть уж будет гостиная. Уговорил, – Рощин потянулся до хруста в суставах. – Только скажи, чтобы ящик не распаковывали.

– Никто не тронет. Сами завтра откроем, – Дорсет поднялся по ступеням к входу и легонько потрогал горничную за подбородок. – Привет, Глория. Проводишь гостей в бархатную спальню, а потом скажи охране, чтобы ящик аккуратно доставили в дом. Очень аккуратно.

– Поняла. В столовой приготовлены легкие закуски, чай...

– Закуски? – Майкл повернулся к русским друзьям. – Ребята, как вам – чай и прочее? Ребята отказались.

– Мне тоже есть не хочется, – мотнул головой Дорсет и вновь обратился к горничной. – Как только со всеми делами разберешься – принеси мне виски со льдом. Заодно и постель разберешь...

Глория отвела Влада и Наташу в просторную комнату: живописную смесь спальни и кабинета. Девушка сразу упорхнула в ванную, а Рощин отыскал среди раритетной мебели бар и смешал себе стаканчик джина с тоником. На сон грядущий. Сделав глоток-другой, он решил проверить – принесли ли ящик с картинами. «Надо предупредить Наташу», – подумал Влад и, постучав, заглянул в ванную.

– Сходи-сходи – посмотри и быстрее возвращайся, – проговорила Светла. – Это уже я. Она стояла под душем – близкая и желанная. Рошин упруго шагнул к ней, но Светла пальчиком указала на дверь:

– Иди, я тебя дождусь и поговорим.

Владу понадобилось всего три минуты, чтобы пробежать по лестнице в гостиную, потрогать заветный груз и вернуться. Светла сушила волосы феном:

– Уже?! Молодец. Ложись, я сейчас приду...

Кровать была с балдахином.

* * *

– Только я подумываю рамы заменить... – как бы размышляя вслух, произнес Влад, втиснувшись меж хвалебных речей Майкла.

– Да? Вообще-то и эти подходят, – Дорсет слегка прищурился. – Красивые. Но тебе виднее. Выберешь – поменяем. Но это уже в Лондоне... Чем эти-то плохи?!

– Разонравились... Кстати, покажи свои картины. Наверняка что-то интересное есть... – начал было Рошин переводить разговор на другую тему, но его тут же перебил граф:

– Во-первых – совсем некстати! А во-вторых, у меня всего-навсего скромный британский пейзаж. С селянами и овечками. Ничего интересного.

– Покажите, Майкл, – присоединилась Наташа. – Пожалуйста.

– Ну, раз так хотите – пеняйте на себя. Пойдемте!

Граф чуть-чуть лукавил. Его скромные пейзажи, буквально, дышали свежим воздухом Британии. Наполняли им со стен кабинет Майкла. Чувствовалась искренняя любовь автора к своей стране. Просто пробирала до костей! И если бы Влад знал английский гимн, то обязательно спел бы его.

– Здорово! – пробормотал Рошин. – Я тоже хочу сходить с тобой на этюды...

– Сходим, – Дорсет похлопал друга по плечу, удовлетворенно оценив его реакцию на полотна. – А теперь нам надо бы обсудить детали будущей выставки, и я уверен – Наташеньке станет скучно.

– Вовсе нет... – прошелестела девушка.

– Не спорь, пожалуйста, – мягко остановил ее Майкл. – Предлагаю сходить в наш домашний бассейн, кстати, с морской водой. Глория проводит, и там есть одноразовые купальники.

– Ну, раз с морской водой... – развела руками Наташа. – Отказаться невозможно.

* * *

– А теперь доверься мне и слушай, – Майкл плеснул на донышко стаканов виски, когда ребята остались вдвоем. – Завтра я тебя подкину до Брайтона. Там арендуешь машину и поедешь в лондонскую галерею «Львиное сердце» – вот адрес. Снимешь зал на неделю для своих картин. Возьми три тысячи фунтов для аванса...

– У меня столько есть, – Влад попробовал отказаться от денег, но не особенно упорствуя.

– Не спорь! – перебил его Дорсет. – Бери! После галереи поедешь в редакцию газеты – вот визитка сотрудника отдела рекламы. Дашь ему вот этот конверт, там немного наличных и флэшка со статьей. Позднее я ее сделаю самой популярной в интернете. И организую еще несколько репортажей в других изданиях. Снимешь приличный номер в солидной сто-

личной гостинице, поводишь денек Наташу по дорогим магазинам. Есть, на что поводить? Прекрасно! И нет такого закона, чтобы в каждом что-то покупать!

– Посоветуешь, какую гостиницу?...

– Конечно! Слушай дальше. После того, как на твою выставку в течение пяти дней будет толпиться очередь – появятся аукционисты и масса всяких мошенников. Аккуратнее с ними – ничего не продавай и не обещай. Вроде как, тебе подумать надо. Жди предложений от аукционного дома «Бонэмс». К тому времени уже появится слух, что пару твоих полотен собираются приобрести для королевского дворца, и эти деятели с Новой Бонд-стрит к тебе нарисуются. Договора у них типовые, только проценты аукционного сбора для всех клиентов разные. Упирайся на восьми процентах, больше не давай. И предложи им лишь петербургские сюжеты. Помнишь, как учил Карл Маркс? Нельзя ждать милостей от этого хитрого народа, взять их – наша задача!

– Так говорил, то ли Ленин, то ли Мичурин...

– Неважно. А три картины с красавицами ты демонстративно после закрытия выставки сразу повезешь на хранение в банк. Пусть все думают, что именно их собирается купить наша королева. Кстати, им, действительно, место во дворце. Честно. Слушай дальше! На первых торгах поиграют двое моих агентов и поднимут цену до пятидесяти тысяч.

– За один городской пейзаж?

– Конечно. Причем это минимум! Знаешь закон природы? Если за твоё имя один раз дали полсотни, то потом всегда будут давать столько же или больше.

– Это в фунтах?! – поразился Влад.

– Рублей тут нет! Извини.

– Сгодятся и фунты, – Рошин улыбнулся. – Особенно в таком количестве. А с аукционным любопытный ход...

– Это все придумали крупные коллекционеры. Простой пример: у тебя есть сотня картин Малевича и у твоего коллеги-собирателя – тоже сотня этих пародий на живопись. Допустим, на рынке Малевич идет по миллиону за холст. Ты договариваешься с собратом и выставляешь на аукцион три картины. Он начинает, как сумасшедший торговаться уже за первый лот, причем торгуется сам с собой – для этого у всех солидных людей есть подсадные утки. В результате, он покупает полотно за пять миллионов. Две другие картины ты покупаешь сам у себя уже миллионов за шесть-семь, каждую! Отдаешь небольшой процент аукционистам за услуги.

– Так в чем же смысл?

– Смотри глубже. Твои сто картин вначале стоили лишь сто миллионов, а после этой безобидной проделки за один день их цена выросла минимум в шесть раз! Шестисот миллионов. И твой напарник тоже разбогател. Правда, у него теперь твой холст! Но это не страшно, в следующий раз купишь у него что-нибудь другое того же автора и опять взвинтишь стоимость.

– Интересный ход, – Влад залпом допил остатки виски. – Только зачем растить цену, если не собираешься их продавать?

– Но зато можешь собраться в любой момент и получить в десять-двадцать раз больше. Или взять обеспеченный ими кредит для другого бизнеса под крошечный процент. Да мало ли путей! И необязательно во все тонкости посвящать Наташу. Любовь любовью, но меньше знает – крепче спит...

– Согласен на все сто! А я уж испугался, что ты стал таким бессеребренником...

– Ты же не просто ко мне в гости приехал! Понятно, что тебе хочется заработать. И желательно побольше.

– Майкл, а ты как?

– И я тоже. Десять процентов устроят?

– Конечно! И все расходы я оплачу из своей доли.

– Ну, если ты настаиваешь – спорить не стану. Да еще – после всей этой операции бросаешь свою гостиницу в Лондоне и уже официально переезжаешь вместе с дамой сюда в замок. Устроим небольшой отпуск и на этюды походим...

Друзья выпили еще по пятьдесят грамм и повспоминали однокурсников: кто – где. Казалось бы, вновь вышли на самый доверительный уровень после нескольких лет разлуки. Пару раз Рощин даже собирался заговорить о камушках, но так и не отважился. «День-два погоды не сделают», – подумал он. Наконец Майкл предложил тоже отправиться в бассейн и освежиться.

– А Глорию позовем? – спросил Влад.

– Понравилась? – усмехнулся Дорсет. – Шучу! Конечно, позовем, чтобы выпивки и закусок принесла. Всё, понимаешь, разглядел! Мы с ней легонько касаемся друг друга – глупо бы было мне от такой красоти отворачиваться – но только глубокой ночью. Кстати, ты плавки из Питера привез или тебе одноразовые дать?

Шестнадцатая глава

Лондон. Строгий и вольный. Влад помотался по городу вдоволь и теперь ничком лежал на широкой кровати гостиничного номера. Рошин вымотал себе все нервы не общением с людьми на здорово подзабытом языке – это было даже интересно, а левосторонней ездой. Первые пару часов за рулем он вообще постоянно дергался, думая, что в него вот-вот кто-нибудь врежется. Он сделал всё, что наметил для него Майкл на этот день, и даже успел заехать в багетную мастерскую и купить три новые вычурные рамы. Наташа еще не вернулась с Бонд-стрит. Понятно, что в таком изобилии непросто выбрать платье и туфли для вернисажа. «Да и наверно на две тысячи долларов особо не разгуляешься, – подумал Рошин. – Ничего – для этого еще наступит время! Хорошо, что я камни выковырял еще в замке и сжег куски рам в камине – здесь это было бы затруднительно». Художник так и не рассказал о своих сокровищах коллеге Дорсету. Он захотел прежде посмотреть цены на них в местных ювелирных магазинах. Не то, что бы он не доверял другу – однако, надо было прежде самому понять – какими суммами можно будет оперировать. Драгоценности Влад завернул в черный целлофановый пакет и спрятал на дно свежеприобретенного пузатого портфеля, с которым не расставался. Картины же он поместил в большую сейфовую ячейку, больше напоминающую высокий стальной шкафчик для оружия, арендованную в банке через дорогу от галереи «Львиное сердце». Покой и благодать.

Крепко задремавшего Рошина разбудил звонок в дверь номера. Наташа явилась с покупками. Она растормошила Влада, чтобы еще раз все примерить и покрасоваться в стильных обновках. Как моментально выяснилось, девушка ухитрилась на достаточно скромную для Лондона сумму прикупить не только платье и туфли, но и кружевное белье...

– Купальник я тоже взяла, чтобы одноразовыми не пользоваться. Когда я в таком плаваю, то у меня ощущение – еще немного, и он растворится в воде...

– Давай теперь купальник мерить, – уже более оживленно произнес Влад. – Надеюсь, раздельный?

– Ну, конечно! – с этими словами Наташа проворно скинула с себя всю одежду, но примерить купальник так и не удалось. Ничего страшного – вот наступит утро. Тогда...

...Почти в полудреме художник прошел к холодильнику и смешал два любимых коктейля – джин с тоником. Но когда он повернулся – на постели лежала уже Светла.

– Да-да, это я... – прошептала фея. – Неси-неси бокал – пить я хочу так же сильно, как и Наташа.

– Ты давно здесь? – спросил Рошин и, присев на кровать, наполовину осушил свой стакан.

– Только полчаса. Не то, что я боялась что-то пропустить, а просто хотела немного оглядеться. Красивая комната... Сильно устал? Засыпай-засыпай – я там буду, тогда и поболтаем.

* * *

Дом без стен. Насквозь продуваемая комната, где дощатый пол под крышей плавно и незаметно переходит в поляну с густой травой. Всякие жуки-пауки на стебельках отчетливо видны, словно под увеличительным стеклом. Их много. Очень. Ползающих, летающих и скачущих. Влад посмотрел вниз:

«Хорошо, что на ногах кеды, – подумал он. – Непонятно на чём крыша-то держится?!»

– На честном слове! – Светла выросла среди всей этой мелкой кусающей нечисти как из-под земли. – Именно так ты себя ощущаешь в реальности. Вроде – не капает сверху, но со всех сторон ты открыт и беззащитен. Успокойся, твой английский друг – приличный и честный человек. По крайней мере, по отношению к тебе. Он не продаст...

– Правда? Наверно, тебе виднее...

– Правда-правда! – кивнула фея. – Ты уж мне поверь. Кстати, он тебе полностью доверяет.

– Согласен – никаких бумажек с ним не подписывали. Всё, действительно, на честном слове!

– Причем – на твоём, – девушка пальчиком указала на Влада. – Себе же ты доверишь?

– Что ты! Обмануть Майкла!? Никогда.

– А теперь посмотри, на чем держится крыша, – настойчиво предложила Светла.

Рощин крутнулся на скрипящей резине своей спортивной обуви – по четырем углам стропила надежно возлежали на каменных столбах.

– Да-да, – засмеялась фея. – Глядишь, скоро и стены появятся!

* * *

Рощин прекрасно выспался. Бодро вскочил с кровати и побежал умыться. Перспективы вырисовывались самые радужные. После банка сегодня он отправится в галерею развешивать картины для своей первой настоящей выставки. Выставки в Лондоне! Он, напевая, вернулся в комнату. Наташа всё еще лежала, пристально уставившись в потолок.

– Сон пытаешься вспомнить? – пошутил Влад. – Давай-ка, мигом в ванную и завтракать!

Девушка села на постели, но вставать не спешила.

– Знаешь, мне иногда кажется, что я куда-то улетаю из тела, – Наташа потерла ладонью лоб. – И потом, когда возвращаюсь в него, совершенно ничего не помню. Хотя вру – небольшие фрагменты всплывают в памяти. Особенно – твои объятия. У меня точно не в порядке с головой... Может быть, это последствия того сотрясения мозга?

– Когда бандиты?... – Рощин неловко прищурился. У него всегда плохо получалось враньё близким, особенно, когда он прекрасно знал, в чём дело. Он присел на койку и осторожно погладил подругу по голове.

– Да. Когда бандиты... – эхом повторила девушка и в упор печально посмотрела прямо в глаза любимому. – Или еще что-то? Разные мысли приходят. Наверно мне надо провериться у врача. Только я не знаю у какого. Психиатр...

– Не надо тебе ничего проверять. Ты замечательная. Красивая, добрая и нежная. Тоже придумала – психиатр?! Иди сюда, – Влад легонько притянул девушку к себе.

Наташа положила голову ему на плечо и замерла. Но только на пару секунд.

– Самое главное – я не знаю, когда опять случится провал. Может быть – прямо сейчас! Когда мне так хорошо и спокойно. Ты можешь мне объяснить, что происходит?

«Легко сказать, – подумал Рощин и возопил про себя: – Светлочка, ничего в голову не приходит!»

– В будущем стану аккуратней, – медленно произнесла уже фея, появившись в облике Наташи. – Это уже я. Мне тоже толкового ответа в голову не пришло. Решила таким вот путём...

– Ты меня вовремя спасла! Давай вместе, что-нибудь сочиним. Жалко её...

– Мне тоже. И на снадобья сажать не хочется.

– Есть какие-то снадобья?

– Конечно! И очень много, как говорится, хороших и разных. Но привыкание, знаешь, не очень... А я её тоже по-своему полюбила. Настолько привыкла к её телу и мыслям, словно это я и есть.

– Так ты слышишь всё, что я ей говорю? – скороговоркой спросил Влад.

– Ну и что?! Не волнуйся – никакой ревности давно нет в помине. Наоборот. Берегу её как родную сестру. Младшую сестру. Как-то поздно вечером черт её дернул идти в супермаркет. Кофе на утро кончился! И, как водится, в твоём любимом городе на Неве – на обратном пути к ней пристали двое хулиганов. К счастью, она так сильно подумала о тебе – и я услышала её. Пришлось вселиться в того, что покрепче, и врезать второму по лбу. Пока они дрались, Наташа благополучно убежала...

– Лихо! Кто же из этих двоих победил?

– Конечно – я! А ты как думал?

– Всё же – давай придумывать легенду...

– Я могу сделать так, что Наташа вообще ничего помнить не будет. Но я сама этого не хочу. Особенно, когда мы занимаемся любовью. Представь, что было бы, когда она, проснувшись, ничего не будет помнить о ночи, проведенной с тобой. Совсем ничего.

– Я тут вдруг подумал про Майкла, – перебил свою фею Рощин. – Давай, я попробую рассказать ему про камни. Если он воспримет это адекватно – прекрасно, а, если нет...

– Всё забудет, – закончила за Влада Светла. – Хорошо. Один-два раза проходят совсем безобидно для здоровья. Но только эти опыты проведем после того, как вы вместе с ним заработаете на картинах. И не скупись, предложи вырученные за изумруды деньги поделить пополам.

– Так точно, мой генерал! – художник отдал честь левой рукой. – А легенда для Наташи?..

– Слушай...

Семнадцатая глава

У меня сумочка уже разбухла от визиток! – громко прошептала Наташа в ухо Рощину. – Успех! Фантастический! Ты – гений!

На вернисаже, действительно, было не протолкнуться. Несколько статей в популярных желтых газетах сотворили чудо. В них всюду муссировались слухи о будущем приобретении картин «русского Леонардо» королевской семьёй. Один материал журналисты подкрепили парой снимков «из кустов», на которых некто чрезвычайно похожий на принца Филиппа беседовал с Рощиным в саду Букингемского дворца. Какие еще нужны доказательства?! Убедительные фотодокументы появились благодаря Майклу. Он попросил папу-лорда устроить другу-художнику и его супруге экскурсию в самое охраняемое место Британии. Дорсет-старший передал сыну три пропуска на предъявителя и попросил его самостоятельно «выгуливать» своих гостей по королевской траве, не отвлекая его от важных дел. Собственно, этого и хотел Дорсет-младший.

Друзья поодиночке прошли за ворота с гвардейцами и затем встретились в условленном месте – у фонтана с тремя грациями. Майкл снабдил Наташу фотоаппаратом, а сам, нацепив прекрасно сделанную улыбающуюся маску супруга английской королевы, встал напротив Влада. Девушке лишь оставалось запечатлеть все его жестикюляции, вплоть до похлопывания знатной особой художника по плечу и пожимания руки. Если добавить, что Дорсет заранее облачился в костюм любимого покроя и расцветки старенького принца, а на заднем плане снимков высилась громада, почитаемого всеми британцами реального дворца, то эти фото выдержали бы любую, самую придирчивую экспертизу. Майкл постарался подготовить всё на совесть и оказался прав. Несмотря на солидные деньги, полученные от графа, репортеры перед публикацией всё же проверили эти изображения на предмет монтажа.

Поистине «королевский» пиар Дорсета сработал. Уже через пару часов после открытия выставки Рощина попеременно обхаживали несколько десятков агентов от живописи и торговцев картинами. Ему сулили сказочные гонорары и мировую славу, буквально, через неделю-две. Влад читал шапку на визитках и, видя, что очередной «фантаст» не имеет отношения к аукционному дому «Бонэмс», совал картонку в карман и обещал на днях перезвонить. Тонкие психологи, чувствуя безразличие автора, переключались на даму художника, которая мирно стояла в сторонке с непригубленным, даже на грамм, бокалом шампанского. Путь к сердцу творца через слабый пол казался им короче и проще. Знали бы они, что в этом привлекательном теле находятся сразу две любящие женщины! Одна из них – Светла, очень нетерпимо относилась к попыткам обмана и пресекала их на корню. Особенно настырного деятеля, который настолько обнаглел, что попытался её, чуть ли не прилюдно соблазнить – фее пришлось вывести на улицу. А уже там, в сторонке – дабы не портить праздник Владу – обольстителю, сам того не желая, затеял драку с полисменом, после чего в наручниках был препровожден в участок. Только тогда Светла успокоилась и выпорхнула из его потрепанной фигуры.

«Нужный человек все равно явится, – убеждал себя Рощин. – Явится именно сегодня. Он же не может слепо надеяться на мою рассудительность. От предложений этих мастеров у любого голова закружится – тут и подпись под каким-нибудь контрактом подмахнешь ненароком».

И он явился. Невысокий господин подошел тихо и мягко как кот:

– Наконец-то вокруг вас перестала вертеться эта карусель, – произнес он, протягивая черную визитку.

Влад лишь мельком взглянул на карточку. Он сразу узнал долгожданного гостя – сказалось предварительное изучение сайта «Бонэмс» – им оказался младший партнер этой компании Хаим фон Рамштайн.

– У вас неплохие работы, – скромно похвалил выставку аукционщик. – Мы могли бы предложить вам нечто интересное.

– Спасибо, – как можно равнодушнее процедил художник. – А ЧТО именно?

– Мы можем обсудить детали в спокойной обстановке? Где-нибудь за чашечкой...

– Да я не о деталях, – задорно прервал фирмача Роцин. – Что именно в моих картинах вам понравилось?

– Об этом мы тоже поговорим, – по-философски безмятежно ответил фон Рамштайн.

Смутить детским вопросом этого дельца? Седого Хаима? Да это нереально!

– Хорошо. Шесть процентов! – Влад без предисловий и всяких «чашечек кофе» начал торг. – Больше не дам.

Рамштайн вытаращил на него глаза:

– Вам всё же удалось меня удивить, господин Роцин! Даже спорить не стану. Согласен на шесть. Мы можем сегодня ночью прислать сюда фотографа, чтобы сделать снимки для буклета? Не беспокойтесь – наш контракт у меня в кейсе. Подписи, печати с нашей стороны – всё на месте. А проценты я впишу своей рукой.

– Не надо никого присылать, – Влад достал из кармана флэш-карту и показал Хаиму. – Всё, что вам нужно уже здесь.

– С вами приятно иметь дело... – заулыбался Рамштайн.

– На аукцион пойдут лишь петербургские сюжеты, а те три богини займут место... – Роцин вытянул губы дудочкой. – Ну, вы понимаете.

– Конечно. На богинь я и не рассчитывал. В документе уже есть список ваших полотен для нас, – младший партнер слегка постучал пальцем по своему чемоданчику. – Да, еще я хочу попросить вас – от себя сообщить прессе про предстоящий аукцион. Это и в ваших интересах...

Художник кивнул:

– Официально сообщу дня через два, а неофициально... Вы заполните нужную графу и оставьте контракт в кабинете владельца этой галереи. Он человек любопытный и, похоже, болтливый...

– Гениальный ход! – восхитился Хаим. – А еще говорят, что русские живописцы ничего не понимают в рекламе! Приятно пожать руку талантливому делового человека.

«Майкл хотел восемь – я сделал шесть. Сэкономим две-три тысячи на расходах...» – Роцин прошел к столику с угощением и с огромным удовольствием осушил стаканчик виски с содовой. Он еще не успел толком закусить, как за локоть его затеребил негр в шелковом пиджаке. Золотые цепи и белые зубы.

– Покупаю «Цирцею»! – по-хозяйски заявил он.

Окинув взглядом ценителя прекрасного, Влад прищелкнул языком:

– Эта картина не продается.

И дело было даже не в договоренности с Дорсетом. Роцину не понравился данный клиент. Очень не понравился. «Наверно какой-нибудь торговец наркотой, – подумал художник. – Отдать мою нежную Цирцею в его руки?! Да ни за что!»

– Но я покупаю её! – настаивал африканец, улыбаясь и часто кивая головой.

– Видимо, у вас английский – второй язык? Да? Картина не продается. Здесь вообще ничего не продается, – в тон настырному гостю улыбнулся Влад.

– Даю десять тысяч!

– Да хоть – сто!!

– Сто? Окей, даю сто тысяч!

– Точно – второй язык, а то – и третий, – буркнул Рошин по-русски и красноречиво подмигнул охраннику, стоящему у входа в зал. Тот уже пару минут внимательно наблюдал за этой чрезмерно шумной сценкой и, заметив сигнал, решительно направился к африканцу.

– Пожалуйста, – вполголоса произнес хранитель покоя и рукой указал на дверь.

Негр безропотно двинулся к выходу, но на полдороге обернулся и, позвеневав своим золотом, ткнул пальцем в сторону «Цирцеи»:

– Всё равно она будет моей!

«Вот ведь любитель живописи!» – мотнул головой Влад. Он решил, что, по крайней мере, на эту ночь надо вывезти все картины в банковский сейф. Осторожность – мать мудрости.

* * *

Около девяти утра в номере Влада и Наташи зазвонил телефон. В фойе ожидал фон Рамштайн, чтобы забрать свой экземпляр контракта. Рошин предложил подруге не заказывать завтрак, а спуститься вниз и почаёвничать в кафе. По крайней мере, тосты не остынут...

Поздоровавшись, Хаим лукаво прищурился:

– Вы меня опять поразили своей предусмотрительностью. Сегодня ночью полиция схватила в галерее чернокожего господина. Выяснилось, что влез он туда за вашей «Цирцеей». А не найдя её, изрезал бритвой два десятка полотен в соседних залах. Других авторов. Ваши картины, насколько мне известно, находились в это время в более надёжном месте. Это же надо – такое предвидение! Вы случайно не еврей?

– Нет. Мне не повезло. А, что теперь будет?

– Будет очень хорошо! Полиция уже поставила у галереи пару своих в форме, а кроме этого, в зале теперь станут постоянно дежурить два детектива в штатском. А какие репортажи появились в утренних и ещё появятся в дневных газетах! О таком можно было только мечтать. «Африканский принц охотится за работами русского Леонардо!» «Не получив «Цирцею», будущий король от расстройства уничтожает картины стоимостью двадцать миллионов!» Пожалуй, теперь я бы согласился даже на пять процентов...

– Так контракт можно и переделать, – живо откликнулся Рошин. – Пока не поздно.

– Это у меня такая шутка неудачная. Забудьте.

– Вы говорите, принц, а я думал, что наркобарон...

– Тише-тише, – фон Рамштайн приложил палец к губам. – Здесь вам не Одесса. Тут – толерантность. Полная. Так вы его видели? Днём на выставке?

– Да. Предлагал мне за «Цирцею» миллион фунтов, – Влад мысленно добавил всего один нолик, а язык это послушно произнес.

– Значит, газетчики соврали. В статье упоминается сто тысяч...

– Он начал вообще с десяти тысяч. Про это там есть?

– Нет. Вы сам им об этом расскажите. Как говорится, из первых уст. У входа в отель десятка три журналистов вас ждут. И не жалейте красок! Хотя, кому я это говорю?! Живописцу! Кстати, вы замечательный художник и интересный человек.

– Спасибо, на добром слове! – Рошин кивнул в сторону кафе. – Завтракать с нами?

– Нет-нет. Не смею больше задерживать, у меня тоже дела, – Хаим с чувством пожал Владу руку. – Ну, я не скажу целиком, но наполовину вы всё же – еврей.

* * *

За столиком в гостиничном кафе Рошин сделал заказ и тут же у него в голове прозвучал голос феи: «Пора! Рассказывай сейчас».

– Я сомневался, что это происходит, но теперь знаю точно, – говоря эти слова, Владу казалось, что его лицо заливают краска стыда. – У меня такое и раньше случалось с другими людьми. Правда, я особого внимания не обращал.

– Что случилось? – Наташа заинтересованно смотрела на него. – О чем ты?!

– О твоих провалах в памяти, – выпалил Роцин и замолчал.

– Говори-говори!

– Это непроизвольное воздействие моих гипнотических способностей...

– Ты меня гипнотизировал? Гипнотизируешь?

– Да нет же! Я же сказал: непроизвольное воздействие, – Влад с трудом повторил заученное за Светлой словосочетание. – Просто у меня иногда проявляются очень сильные мысленные волны. Задумаюсь о чем-нибудь или замечтаюсь, и идет некое завихрение сознания человека, который рядом. Память о происходящем стирается. Остаются какие-то обрывки... Вот, как у тебя.

Наташа дождалась, пока официантка поставит на стол кофе и сэндвичи, и пристально, как она любила, взглядела прямо в зрачки друга:

– Никогда не слышала ни о чем подобном.

– Потому и не слышала, что никто не помнит ни хрена!

– Значит, ты – мощный гипнотизёр? И можешь мысленно отдавать приказы кому угодно?

Влад покрутил ладонью в воздухе:

– Понимаешь, я этим никогда не пользовался специально. Но, когда чего-то ужасно желаю – так обычно и получается.

– Смотри-ка, официантка забыла принести тебе рюмку коньяка! Можешь ей мысленно повелеть? – спросила девушка, широко раскрыв глаза.

– Не знаю, на какое расстояние это действует...

– Ну, пожалуйста! И вели ей принести ДВЕ рюмки коньяка. Давай попробуем! Так интересно!

– А вдруг, ты потом опять всё забудешь? После эксперимента.

– Ты мне напомнишь! А? – Наташа сотворила жалостливый взгляд.

– Хорошо. Но, смотри...

– Молчу-молчу! – девушка молитвенно сложила руки лодочкой, а художник соорудил задумчивую физиономию.

«Светлочка, ты сама всё слышала. Два коньяка...» – обратился Влад, а через мгновение в его мозгу зазвучала мелодичная родная речь: «Обернись! Уже несущ».

Роцин оборачиваться не стал. Он и так всё прочитал на лице подруги, которая сидела напротив и первой заметила официантку с двумя рюмками на подносе.

Восемнадцатая глава

Только не надо меня бояться... – Рощин ласково несколько раз сжал ладонью теплое плечо Наташи, замороженной чудо фокусом. – А надо – совсем наоборот. Допивай сок, и пойдем к прессе, пообщаемся.

Подруга лишь, молча, покивала, но со стула так и не встала. Влад подвинул к ней вторую, оказавшуюся так, кстати, рюмку коньяку. Наташа машинально проглотила двадцать граммов французского напитка.

– А теперь – лимончик, – тихо сказал Рощин.

– Да-да... – прошелестела Наташа, с трудом возвращаясь на грешную землю.

Влад оставил на столике купюру в десять фунтов, и ребята направились через гостиничный холл к центральному выходу, когда к ним, поднявшись с бокового диванчика, быстрым шагом подошла Глория, любимая горничная графа Дорсета. Совершенно неузнаваемая в ярко-голубом брючном костюме девушка мягко, но плотно, по-хозяйски взяла Наташу под руку:

– Доброе утро! Влад, идите к журналистам, а мы вас немного позднее догоним, – негромко произнесла Глория. – Не волнуйтесь, это не моя инициатива, меня Майкл сюда отправил. Не забудьте – на вопросы о королеве надо отвечать обтекаемо и таинственно. Как можно более загадочно. Поверьте, передаю советы графа слово в слово. Мы с Натали в стороне постоим. А вы волосы чуть-чуть поправьте – там же телевидение.

Рощин чуть портфель из рук не выпустил – какие-то волосы!?

– Я сейчас тебе помогу, – Наташа наконец-то очнувшись окончательно и двумя-тремя движениями навела порядок на голове любимого. – Теперь красиво. Ступай. Оставь мне портфель...

– Только аккуратнее с ним...

– Я знаю, там – важный контракт.

– Очень важный...

Влад бывал на летучих пресс-конференциях в Питере перед открытием чужих вернисажей, но то, что он увидел сейчас – случилось только в американских фильмах про какие-нибудь политические скандалы и, как минимум, с вице-президентами. Сотня журналистов с фотоаппаратами и телекамерами нетерпеливо роилась у отеля. Топталось даже два полисмена в странных английских фуражках с «таксистскими» кубиками на околыше. Когда толпа причудливым полумесяцем колыхнулась в сторону Рощина стражи закона умело, одним характерным движением ладоней в воздухе легко остановили напор прессы. «Русский Леонардо» встал за их спинами и кивнул:

– Добрый день, господа!

На его приветствие одновременно ответило человек десять, а еще двадцать неразборчиво забарабанили вопросы. Живописец, широко улыбаясь, поднял вверх обе руки – «сдаюсь».

– Я ничего не понял. Делайте, пожалуйста, скидку на мой плохой английский. Говорите медленнее и по очереди. Вот у вас – какой вопрос? – Влад указал на ближайшего к нему молодого человека с красивым галстуком.

«Галстук» не заставил себя долго ждать:

– Правда, что ваши картины уже куплены Её величеством или Его высочеством?

– Нет. Денег от Их величеств я еще не получал.

– Но переговоры уже состоялись? – продолжил красивый «галстук». – Сумма определена?

– Я не могу публично обсуждать вопросы, касающиеся третьих лиц. Тем более, если сейчас речь идет о тех трех полотнах с богинями. Могу сказать совершенно точно, что три картины с богинями в аукционе участвовать не будут. Нет, я как-то неправильно выразился... Именно эти три картины не будут проданы на аукционе «Бонэмс», ни за какие деньги. Даже самые большие. Прошу простить за мой плохой английский, но надеюсь – вы поняли, господа.

– Да, большое спасибо, – «галстук» попытался то ли пожать Рошину руку, то ли передать визитку, но его отодвинул полисмен.

Вперед просунулся стриженный под «битлов» репортёр:

– Вы отказали африканскому принцу ради нашей любимой королевы?

Рошин еще только собирался прилично ответить и на этот достаточно каверзный вопросец, когда со своими громкими замечаниями вмешался толстый папарацци:

– Сто тысяч фунтов за картину – хорошие деньги! Надо было соглашаться! Сколько вы над ней трудились? Неделю? Месяц? Всего-навсего...

– Над ней я трудился всю свою жизнь, – фраза у Влада получилась чересчур высокопарная, но журналистам она понравилась. Из толпы раздались одобрительные возгласы, и Рошин решился продолжить тираду в том же духе. – Неверно оценивать творца только по времени физического создания произведения. Ваша знаменитая сказочница пишет книгу, допустим, год, а получает за нее миллион фунтов. И еще за экранизацию – два. Это не просто хорошие, а бешеные деньги за один год любимой работы! А сколько времени она – эта книга варилась в её голове? Кто посчитает? Так же и художник... Но, повторяю, я не собираюсь продавать богинь, ни сейчас первому встречному принцу из Африки, ни через неделю на аукционе «Бонэмс»!

– Bravo! – воскликнул стриженный под «битлов» репортёр в потертом джинсовом костюме и заинтересовано продолжил: – Как вы оцениваете поступок принца?

– Надо уточнять – какого принца! Особенно – в Великобритании, – Рошин поднял вверх указательный палец, – несколько человек засмеялись. – Итак, теперь о принце из Африки. Кстати, он предлагал за «Цирцею» вначале десять, потом сто тысяч, а когда дошел до миллиона – его вывела охрана. Он не смог купить то, что хотел и, видимо, решил это украсть. Не получилось, и от злости уничтожил произведения искусства других мастеров кисти. О чем я очень сожалею. Искренне надеюсь, что ваши страховые компании насколько возможно возместят моральные страдания художников. Я же не собираюсь, да и не могу, выдвигать против африканского принца обвинения. Вопросы?

Ярко-рыжая девица с прицепленным на грудь бейджем, известного даже Владу лондонского телеканала, уверенно втиснулась между полисменов. Те даже не шелохнулись против такой дерзости. Девица же, повернувшись к Рошину вполоборота, очень внятно, чуть ли не по слогам произнесла:

– Вы собираетесь просить в Великобритании политическое убежище?

«Этого мне только не хватало!» – подумал Влад. – «Только брякни что-нибудь подобное, сразу на съемной хате обыск устроят! С конфискацией...» Опытный глаз живописца сразу заметил и телекамеру, на которую «работала» рыжая. Рошин, широко улыбаясь и не моргая, уставился прямо в зрачок нужного объектива и, так же, отдельно и четко заявил:

– Нет. Просить убежища в Британии не собираюсь. Я свободный художник и политикой не занимаюсь. Даже не знаю, что это такое! Кстати, все налоги в России плачу аккуратно и вовремя. Это говорю на тот случай, если у кого-то будут вопросы по поводу экономического убежища.

– То есть, вы – богатый человек... – не унималась теле-лиса. – И российское правительство вас полностью устраивает?

– Мы с правительством незнакомы. И я особо не переживаю по этому поводу. Думаю, оно тоже, – на эти слова живописца пресса отреагировала жидкими, но всё же, аплодисментами. – А вот, что касается богатства – вы правы. Я безумно богат! На данную поездку в Лондон и организацию выставки копил деньги почти два года, да еще и у друзей одолжил, но зато у меня есть мои картины. Причем за одну из которых – даже принц готов выложить миллион фунтов.

– Какой принц? – громко спросил кто-то из толпы. – Пожалуйста, уточните!

– Африканский. Африканский, конечно, – весело ответил Влад. – А сейчас, господа, мне пора ехать на свою выставку. Приглашаю вас всех туда, увидите своими глазами из-за чего весь сыр-бор. Ну, а кто не сможет – много потеряет. Спасибо за внимание!

– Последний вопрос, господин Рощин! Почему вы вчера увезли картины с выставки? Вы предвидели ночное ограбление? – скороговоркой выпалил журналист в лаковой кожаной куртке, размахивая в воздухе блокнотом, словно белым флагом.

В обычное время Влад не понял бы ни слова, но его фамилия, громко произнесенная на английский манер, здорово помогла с переводом:

– Смотрю, вы орудуете по-старинке, без диктофонов и камер. Отвечу вам так же – старинной русской пословицей: подальше положишь – поближе возьмешь! Или вот еще: бережёного – Бог бережет! На этом – всё. Простите, некогда!

Развернувшись лицом к отелю, Рощин сразу заметил своих девушек, стоявших метрах в десяти, у острого края уже «сломавшегося» полумесяца прессы. Выдохнув, художник было направился к ним, но Глория аккуратно и убедительно показала пальчиком на двери гостиницы.

Уже в холле горничная графа, не приближаясь, поймав вопросительный взгляд Влада, тем же пальчиком потыкала в пол. Рощин кивнул и послушно зашагал к лифту подземной стоянки. Глория и Наташа – за ним.

В прохладе бетонного авто-чрева отеля девушки наконец подошли к Владу вплотную.

– Да-да, – внимательно осмотревшись по сторонам, первой заговорила Глория. – Шпионские страсти только начинаются. Не удивляйтесь, но теперь вы под пристальным наблюдением лондонских журналистов. У нас все новости, которые хоть чуть-чуть касаются королевы, хорошо оплачиваются. Репортеры готовы ради них на всё. Кстати, они могут даже ваш телефон прослушивать. Если уже не прослушивают. Поэтому Майкл и отправил меня в качестве живой связи. Для всех – я подружка вашей невесты.

– Откуда же у них мой номер?! – изумился Влад. – Я вообще-то его в Питере...

– Когда вы арендовали машину в Брайтоне, то сами написали его в анкете...

– Ну, хорошо. Какие дальнейшие шаги? По плану?

– Да, – деловито произнесла Глория – она уже совершенно не походила на ту домашнюю милашку из замка. – Когда заберете картины из банка, то оставьте в той ячейке контракт с аукционистами. И свой ужасный портфель тоже... он совершенно не подходит к вашему имиджу.

«Владик, слушай девушку, – раздался в голове художника ласковый голос Светлы. – И не волнуйся, она, хоть и близкая подруга невесты, но ночевать будет в другом номере. И даже в другом отеле. Вечером пообщаемся спокойно».

– Всё так и сделаю, – Рощин открыл заднюю дверцу автомобиля, приглашая своих дам в салон, а мысленно спросил: «Больше ничего не хочешь мне?..»

«Хочу и скажу, – Влад чувствовал, что произнося это, Светла широко улыбается. – Перед журналистами ты блистательно выступил. Я знала, что ты самый умный и замечательный, но не предполагала, что настолько. Горжусь тобой!»

«Спасибо! – беззвучно ответил Рошин. – Но совсем не это имел в виду. Ты помогала мне справиться с этой толпой?»

«Собиралась. Честно. – Фея выдержала небольшую паузу. – И не понадобилось – ты в одиночку их одолел. Больше всего я беспокоилась за твой английский, как, видимо, и ты сам. Но всё получилось просто идеально. Владик, Владик, соберись! Рано расслабляться. Наши прелестные дамочки уже давно сидят в машине и ждут тебя. И не забудь – тут все ездят по левой стороне!»

– Лихо ты на их вопросы отвечал! – вполголоса восхищенно щебетнула Наташа, когда Влад выруливал на улицу. – Мы с Глорией неподалеку стояли, слушали тебя. Может ты не заметил, но все репортеры, буквально, рты разинули, когда ты обыграл этих принцев. Правда-правда! Не ожидали они таких тонкостей от русского художника.

– Присоединяюсь на все сто! – Глория даже приложила руку к сердцу, как заметил Рошин в зеркале. – Наташа, мы с вами только что присутствовали при рождении новой звезды. Только ты меня, пожалуйста, не ревнуй. У меня свой собственный Млечный путь...

– Это Майкл-то?! – сквозь шутку Влад расслышал и грустные нотки. – Какой же он Млечный? Вполне осязаемый! И яркий. Как Альтаир. Самый яркий в созвездии Орла! Лучше скажите, Глория, возле банка тоже будут журналисты?

– Конечно, но там не обязательно с ними общаться...

– Да я не про общение. Хватит уже славы. А то, боюсь, корона потолок в арендованной машине поцарапает. Вы можете сейчас позвонить Майклу и спросить его – нет ли у него каких-то добрых... да, в конце концов, любых отношений с этим банком? Некая идея возникла...

– Сию минуту... – Глория достала мобильный и, набрав номер, шепотом произнесла несколько фраз. Выслушала ответ графа и уже громко произнесла: – Майкл не знаком ни с владельцем, ни с управляющим... А что за идея?

– Не будем торопить события, Глория! Кстати, вы не забыли передать от меня...

– Огромный привет! – симпатичная горничная позволила себе перебить художника. – С этого я и начала разговор.

Метров за триста до галереи и, собственно, до банка – машины по улице двигались со скоростью катафалков XIX века. Причем начала XIX века. Однако сильный шум и гам эта тихоходность никак не снижала. Полисмен-регулирующий, во всю Ивановскую или точнее – Корнуолл-роудскую, размахивая жезлом, отправлял половину автомобилистов в объезд через соседние переулки. Естественно, авто Влада попало как раз в эту «лишнюю» половину. Страж закона легонько постучал согнутым пальцем по капоту и махнул куда-то налево. Рошин как мог далеко, высунулся в открытое окошко и крикнул по-русски первое, что пришло в голову:

– Азь есмь царь!

Наташа на заднем сиденье засмеялась в голос, перевела Глории и, теперь они вволю хохотали дуэтом. Полисмен же, к полнейшему удивлению Влада, всё понял так, как надо и, воскликнув:

– Ах, это вы! Извините, – попытался соорудить для машины «русского Леонардо» зелёную улицу. Правда, безуспешно. Виновниками пробки стали репортеры, которых после утренней толчеи у гостиницы теперь, казалось, стало раза в три больше. Всё же спустя каких-то пять минут Рошин припарковался у банка. Место для него, как выяснилось, забронировали сразу после выхода утренних газет.

Живописец попросил девушек оставаться в автомобиле, а сам уверенно вошел в тяжелые резные двери. Охранник с пистолетом на боку даже козырнул ему, а другой рукой

деликатно придержал дубовую створку. Прохладная сырость старины в холле с мраморным полом, а навстречу к Рошину уже спешил хорошо одетый господин средних лет:

– Добрый день! Мы очень рады, что вы воспользовались...

– Здравствуйте, сэр! – не очень вежливо перебил господина художник. – Вы, собственно, кто?

– Управляющий этого филиала банка, – ничуть не смутившись, ответил сэр. – Мы готовы предоставлять вам услуги по хранению картин совершенно бесплатно...

– Что значит – бесплатно?! – сдвинул брови Влад.

– Вам не надо платить...

– Это понятно. Но я не собираюсь бесплатно хранить у вас картины.

– То есть?!

– Вы сами должны мне платить за это. На родине я немного занимался рекламой, в том числе, и рекламой банков. Итак, сколько в день? Поверьте, я не шучу.

– Тысячу фунтов за сутки хранения, – выпалил опешивший от такого напора управляющий.

– Хорошо. И кроме этого, единовременная премия – десять тысяч. Выдайте мне золотую карточку и все деньги переведите на неё. Карточку принесите в галерею. Успеете к обеду? Ну, и прекрасно. Кстати, это наше соглашение официально оформите на бумаге и тоже с собой захватите. Ячейку я у вас буду занимать семь, нет – уже шесть дней. Итого – сколько с вас?

– Шестнадцать тысяч... – пролепетал банкир.

– Верно. Всю сумму попрошу вас перечислить уже сегодня. Надеюсь, у вас есть такие деньги?

– Это не проблема для нашего...

– Вот и хорошо. Увидимся в обед!

Оставив управляющего в холле, Роцин с охранником, который катил за ним тележку, прошел в хранилище. Пока он аккуратно перекладывал картины из стальной ячейки, заговорила Светла: «Поразил! Наповал! Даже словечка мне не дал вставить. Камни не оставляй! Да и контракт тоже в карман положи. Теперь, бог их знает, как они с перепуга поступят. Еще влезут и проверят, что тут хранишь».

– У меня карманы глубокие, – вслух ответил Влад, засовывая черный пакет с драгоценностями поближе к сердцу. – Специально такую куртку выбирал. Пустой портфель всё же здесь оставляю...

Охранник, не поняв ни слова, закивал как китайский болванчик и покатил тележку с живописью к выходу.

* * *

Пока Влад с двумя пригожими помощниками развешивал свои полотна, к нему подошел владелец «Львиного сердца» и попросил не вносить остаток платы за аренду зала.

– Вы и так поиздержались, оплачивая еще и хранение картин в банке. Безусловно, наша система безопасности оставляет желать лучшего, – галерист с сожалением развел руками, и, вполголоса, добавил: – Слышал в новостях, что вы два года откладывали деньги, отказывая себе во всём. Ходили в рубище, а питались черным хлебом и квасом...

Роцин заулыбался и тепло пожал руку доброго джентльмена:

– Ну, уж с квасом они там, в новостях преувеличили...

– Неужели как Солженицын – только хлебом и водой?

– Нет, я имел в виду – совсем в другую сторону. Хлеб всё же был белым и с маслом. Вот про два года сборов – истинная правда... – Владу не захотелось наживаться на доверчивости

этого англичанина, особенно после того, как обнаружил в его эмоциях искреннюю сердечность. Он еще раз, с чувством потряс руку галериста. – Большое спасибо, за ваше предложение, но я не могу его принять. Внесу остаток, как и договаривались – под занавес выставки.

– Тогда «под занавес» легкий фуршет для ваших гостей – за мой счет! – не унимался славный джентльмен. – Закажу лучшие закуски и шампанское.

В этом благом порыве Роцин не смог ему отказать.

По указанию главного детектива в штатском все картины Влада на пару шагов отгородили от зрителей блестящими металлическими стойками со свисающими между ними толстыми канатами. Как выяснила расторопная и вездесущая Глория, шеф полиции велел на всякий случай – получше охранять «будущее приобретение королевы».

– Он именно так и заявил, – поведала великолепная горничная графа Влада, когда он отошел с Наташей в соседний бар, выпить кофе. – Я уже позвонила Майклу – он в восторге.

– Майкл – гений, – воскликнул Роцин. – Да и вы, Глория тоже. Мне почему-то кажется, что вы не всегда, только лишь присматривали за замком нашего дорогого Дорсета.

– Влад, это вы спросите у него самого. Хорошо?

– Извините, если я чем-то обидел... – живописец немного смутился. «В какую-то тайну ненароком влез», – подумал он и постарался свести всё на шутку. – Просто у вас явный талант разведчицы.

– Ну, что вы! – махнула ладошкой Глория, и, словно прочитав мысли Влада, добавила: – Никакой страшной тайны в наших отношениях нет, как и в моей прежней профессии. Вечером расскажу, если еще будет интересно.

– Конечно, интересно, – Наташа быстро взглянула в глаза своего любимого, потом внимательно посмотрела на Глорию: – Приходи к нам в номер сегодня после выставки, и поговорим обо всем на свете.

Роцин наяву кивнул девушкам, а мысленно же проговорил с некоторой вязкостью в голосе: «Светлочка, а ты говорила, что она в другом отеле...» Фея оценила предложение Наташи иначе: «Всё в порядке. Пообщаетесь в спокойной обстановке. Глория тоже хочет вашу парочку лучше узнать. Смотри, как она тебе помогает! Если уж засидитесь допоздна – я к тебе во сне приду, не переживай». Влад еще раз кивнул, опять-таки наяву, но на этот раз уже для Светлы.

Глория восприняла эти плавные «поддакивания» Роцина как мягкое, но, всё же, настойчивое приглашение на долгие вечерние посиделки:

– Меня не надо уговаривать, я – с удовольствием.

– Вот и славно! – улыбнулась Наташа. – Отвезем картины на хранение, поужинаем и – к нам. Хорошо бы еще взять бутылочку красного «Порто». Глория, ты не знаешь, где можно купить?

– Знаю. Только у меня малюсенькая поправочка к программе. Из банка поезжайте в отель, там оставьте машину на парковке. А уже на такси отправляйтесь в нашу... в мою гостиницу. Название запомнить легко – «Розовое дерево» в районе Холборн. В паре кварталах от Британского музея – уж это точно не забудете. Ужин закажем в мой номер, а пару бутылочек вашего любимого португальского портвейна я куплю где-нибудь по дороге. И вас будет ожидать приятный сюрприз! Влад, кстати, Майкл просил узнать, что вы хотели с банком проверить?

– Он не говорит, – ответила за любимого Наташа. – Я уже сто раз спрашивала...

– Рано еще, нетерпеливые мои, – Роцин постучал пальцем по циферблату наручных часов. – Подождите до обеда.

Наташа вздохнула и легонько потрясла кофейную чашку, внимательно рассматривая гущу на доньшке. Влад чуть булочкой не поперхнулся:

– Девочка моя, надеюсь, ты не гадать собралась?

Глория не стала дожидаться развязки, и нетерпеливо поднялась:

– Ладно, вы допивайте-доедайте спокойно, а я пойду на выставку – еще чего-нибудь нашпионю! – на последней фразе она выразительно подмигнула Рощину.

Художник усмехнулся и лихо козырнул ей в ответ.

* * *

Банкир пришел. С кратким соглашением на бумаге с водяными знаками и золотой банковской карточкой. К полнейшему удивлению Влада, управляющий довольно шурился и чуть ли не облизнулся, забирая второй, уже подписанный живописцем, экземпляр. Рощин не замедлил сообщить об этой небольшой победе Наташе и Глории, попросив последнюю, передать приятную новость Майклу.

– За пару минут отобрать у английского банка шестнадцать тысяч, это надо суметь! – от себя восхитилась горничная графа.

На самом же деле, вначале полностью взболтанный самоуверенным Рощиным банкир, глотнув в тиши кабинета виски, быстро пришел в себя. Выкурив пару трубок, он придумал, как получить из всего происходящего максимальную личную пользу. Он успел до обеда съездить в головной офис, чтобы похвастаться перед председателем правления своими достижениями в лъстивых уговорах и тяжелых торгах с прижимистым и хитрым «коммунистическим» художником. Причем управляющий филиала представил всё дело так, что будто бы он лично обхаживал Рощина в гостинице и галерее, убеждая оставить полотна на хранение именно в этом – надежнейшем из банков. Со слов банкира получалось, что все многочисленные репортажи на разных телеканалах и в газетах, в которых говорилось о месте хранения картин – продукт его неусыпной и талантливой работы. Хотя председатель правления и сам слыл в финансовой среде Лондона пройдохой из пройдох, и, конечно же, чувствовал в витиеватых сказаниях подчиненного явную фальшь, но крыть было нечем. Их банк неизменно упоминался во всех журналистских историях о «русском Леонардо» только с положительной стороны. Да еще рядом с именами Её Величества и Его Высочества. Такую рекламу, ни за какие деньги агентству не закажешь. В результате, председатель собственноручно выписал управляющему чек на сто тысяч фунтов, в качестве премиальных за инициативность.

* * *

До вечера Рощин с большой охотой дал телевизионщикам полтора десятка интервью на фоне своих живописных богинь. Он даже попозировал в обнимку с Наташей для фотографа из какого-то глянцевого журнала. Бурление и кипение кончилось, когда художник вырубился на подземную парковку своего отеля с подслеповатым мигающим освещением. Силы и дневной задор Влада, словно ножом отрезало – ведь теперь уже не надо постоянно улыбаться незнакомым людям и всякий миг быть готовым к ответу на любой вопрос. Даже глупый или неприятный. Что-то подобное происходит с шампанским, оставшимся в бокале после того, как гости уже разошлись – приятные пузырьки уже не покалывают язык, не веселят. Их нет и в помине в недопитом вовремя бокале – а одна лишь кислятина. Ни жажду утолить, ни захмелеть.

Рощин распахнул дверцу со своей стороны, но выходить из машины не спешил:

– Наташенька, давай немного посидим в тишине. А заодно я покурю...

– Устал? Покури-покури, а потом давай всё же поднимемся в номер и залезем в душ. Надо смыть с себя все эти... впечатления.

– Вот, верно обозначила то, что сегодня... – Влад даже толком договорить не сумел.

– Я поняла, поняла, – верная подруга гладила его по голове. – Помолчи... а я поговорю... Конечно, куда же в гости ехать в таком раздрае?! Надо отдохнуть, прийти в себя. Сегодня ты вообще невозможное совершил. Целый день как струна. Я же всё чувствую. Всё, что касается тебя. Ты кури-кури... Сейчас я тебя намылю пахучим индийским мылом с ног до головы, а когда смою – тебе станет легко-легко. Вот увидишь.

– Там разве индийское мыло? – уже не так вяло спросил Рошин.

– Да. С целебными травами из джунглей Маугли. Я еще вчера, когда распечатывала, на этикетке прочитала: «Ваша кожа станет мягкой и шелковистой, как подушечки на лапках у Багиры».

– Как подушечки на твоих лапках, – Влад поцеловал ладонь девушки. – Пойдём быстрее в душ. Мне уже не терпится мыло понюхать!

Совместное радостное мытьё продолжалось на полчаса дольше, чем обычно. После него Наташа и Влад, совершенно обессиленные, плашмя повалились на широкую кровать. Они лежали, не шелохнувшись, минут пятнадцать, пока не зазвонил телефон в сумочке нашей прекрасной дамы. Наташа запахнулась в махровый гостиничный халат и достала трубку мобильного:

– Еще раз, привет, Глория! Говори-говори, включаю громкую связь...

– Ребята, вы не заблудились в Лондоне? – с совершенно искренним беспокойством в голосе произнесла английская подруга. – Название гостиницы помните?

– «Розовое дерево» в Холборне! – буквально, хором ответили ребята. А Влад еще и громко добавил:

– В паре кварталах от Британского музея, который сейчас уже закрыт!

– Ну, пока художник шутит, значит, он жив и здоров! – уверенно заявила Глория. – Когда вас ждать? Ах, да! Простите! Не сообразила, что вы не представляете – сколько времени ехать. От вашего отеля на такси – минут двадцать...

– Дай мне трубку! – услышали питерские гости голос Майкла. – Я знаю, как лучше поторопить! Дорогие мои, вас ожидают три бутылочки «Порто»! Кстати скажите, что вам заказать на ужин? Как раз к вашему приезду подадут. В общем, одевайтесь быстрее и приезжайте!

Влад на локтях подполз к положенному на край кровати телефону Наташи:

– Привет! А почему ты решил, что мы...

– Потому что – мы сами тут точно такие же! – коротко рассмеялся граф. – Так что заказать?

– На твой вкус, что-нибудь мясное... – начал Рошин и посмотрел на Наташу.

– ...И рыбное, – убедительно добавила она.

Девятнадцатая глава

Влад с подругой, помня утренние наставления разведчицы-горничной, вышли из отеля через хорошо знакомую подземную стоянку на боковую улочку. Время сумрака – и солнце еще не спряталось, и фонари еще не зажглись в полную силу. Лучшая пора уходить от слежки, если она, конечно, есть. Ребята решили прогуляться медленным шагом метров двести-триста, выйдя на дорогу с тыльной стороны от главного входа, чтобы наверняка убедиться в отсутствии репортерского «хвоста». Они даже два раза останавливались и, рискуя нарваться на штраф, делали вид, что самозабвенно целуются, для полного кругового обзора.

– Меня эти шпионские игры забавляют, – Роцин уже не для дела, а для души чмокнул Наташу в губы. – А тебя?

– И меня, – девушка ответила мягким поцелуем. – Надеюсь, что до мании преследования не дойдем...

– Не успеем за неделю. Майкл говорил, что мы должны скрывать наше с ним знакомство только до аукциона, – Влад осмотрелся. – По-моему, чисто – ну, если они не какие-то супердетективы. Сейчас такси поймаю.

Даже таксисту предусмотрительный Роцин вначале назвал не нужный отель, а Британский музей. Когда же автомобиль остановился у знаменитого хранилища английской истории, художник с сожалением пробормотал вроде бы для подруги, но так, чтобы водитель всё хорошо расслышал:

– Так разве музей уже закрыт? Жаль. Знаете что, отвезите нас тогда в какой-нибудь приличный ресторан. Мне друзья говорили, что тут неподалёку есть такой в гостинице.

– Название помните? – вежливо осведомился таксист.

– Что-то связано с лесом, – продолжал наигрывать Роцин. – Или с садом? Вспомнил! Холборн!

– Сэр, Холборн – это район, где мы сейчас находимся. Здесь много гостиниц, – терпение водителя было поистине английским. Или ангельским.

– Точно. Район, – Влад повернулся к Наташе. – Ты не помнишь?

Наташа в актёрском порыве – хотя водитель этого и не увидел – даже лоб наморщила:

– Мне почему-то помнится цветок...

– Вот! Молодец! – воскликнул живописец. – Цветок. И этот цветок – роза. Отвезите нас в ресторан отеля «Роза»!

– Может быть, всё же в «Розовое дерево»? – по-доброму усмехнулся таксист. – Это, действительно, совсем рядом.

– Да! – дуэтом воскликнули ребята.

* * *

Когда официант на тележке привез в апартаменты ужин на четыре персоны, его встречала лишь одна Глория. Майкл, Влад и Наташа благоразумно укрылись в просторном кабинете. И пока за дверью, в гостиной звенели тарелки и прочая посуда, граф вполголоса предложил живописцу раскурить по «сигаре победы»:

– Наташенька нас, думаю, не осудит!

Девушка, уютно устроившись в уголке плюшевого дивана, только головой помотала.

– Прекрасно, – продолжил Майкл, щелкая зажигалкой. – Знаю, как вы устали, и сегодня о делах больше ни слова. Отдыхаем...

– Мы еще и не начинали о делах, – Рошин выпустил изо рта голубой клуб пахучего дыма. – Если, конечно, не считать дневные перезвоны через Глорию. Скажи, мы больше никаких резких телодвижений до аукциона не соорудим?

– Ни резких, ни смиренных, – британец прижал палец к губам. – Не знаю, откуда вдруг возник этот негритянский принц...

– Из Африки! – не замедлил вставить словечко Влад.

– Ну да, ну да! Откуда же еще, – граф положил сигару на край пепельницы. – Но его, похоже, послал сам Господь. Такую удачу просто невозможно просчитать. Теперь без особых затей вам надо всякий день ездить на выставку, встречаться с прессой и наслаждаться успехом.

– Кстати, успехом я буду наслаждаться вместе с вами! Мне это очень нравится, – заглянула в полуоткрытую дверь Глория. – Прошу к столу!

Мужчины поднялись из кресел. Граф плавно описал рукой широкую дугу:

– Сначала – дамы!

Наташа моментально упорхнула в свежий воздух гостиной. Через секунду мужчины услышали звонкий призыв Глории:

– Выбирай место, Натали, где больше нравится!

Майкл не выходил из кабинета, ждал – пока Влад неумело гасил сигару – чтобы пропустить его как гостя вперед:

– Оставь её в пепельнице и забудь.

– И то – правда! – утешился Рошин, бросив распотрошённый окурочок, больше напоминающий причудливую кисточку для бритья. – Ты знаешь, Майкл, я очень рад тебя видеть, но ты не расшифруешься часом?

– Ни за что! Номер оформлен на Глорию, точнее по липовым водительским правам на имя совершенно другой дамы. Платит она всегда наличными. Никаких следов! Когда я прихожу, то поднимаюсь на лифте – выше на этаж, а потом спускаюсь по лестнице...

– Надеюсь, не по пожарной?

– Почти! Она без ковров и бронзовых перил, – граф уже устремился к источнику вкусных запахов, но его вновь задержал Рошин, взяв за локоть:

– Погоди еще минутку! – Влад понизил голос чуть не до шепота. – Сегодня днём, желая похвалить Глорию, я, кажется, вторгся на запретную территорию. Ну, там – кто она на самом деле и прочее...

– Не переживай. Она мне уже всё поведала – своим непритворным замечанием про её таланты разведчицы, ты ничего страшного не сделал. И никого не обидел. Ни её, ни, тем более, меня. Не станем забегать вперед – Глория сама всё прояснит. Она просто не знала про глубину наших с тобой отношений, настоящую, я бы сказал, русскую дружбу. Думала, что это – всего-навсего чистый бизнес с хорошим знакомым. Пойдём – выпьем, закусим и поговорим!

На белой скатерти круглого стола, действительно, как и было обещано – красовались три бутылки «Порто», пять-шесть салатниц со всевозможными холодными закусками и несколько соусниц. Горячие кушанья до сих пор стояли на оставленной тут же ресторанной тележке в глубоких и не очень фаянсовых посудах с крышками.

– Девушки, даже не пытайтесь встать! – скомандовал граф, увидев, что Глория, вдруг, чуть не вспомнила о профессии горничной. – Мы сами вас обслужим!

– В лучшем виде! – весело поддакнул Рошин, разливая в небольшие рюмки портвейн.

– Влад, ты подавай мне тарелки по очереди, а я буду класть аппетитную лопатку молодого ягненка, шашлык из барашка, свиные рёбрышки или жареную акулу. На гарнир могу предложить традиционный жареный картофель. Итак, что пожелаете, дорогие дамы?

– Настоящая акула?! – изумилась Наташа.

– Конечно, – невозмутимо проговорил Майкл. – Мы же в Англии – владычице морей! Понял, уже кладу...

...Первый тост граф по старой, еще питерской традиции, посвятил прекрасным волшебницам любви и королевам двух рыцарских сердец. Но посвятил искренне.

* * *

Усадив своих ненаглядных подруг на бархатный бордовый диван, стоящий возле низкого и широкого журнального столика, Майкл и Влад тут же привольно развалились в креслах. На столешницу черного дерева переключалась одна из недопитых бутылок портвейна для дам, а также зачехленное в морозильнике виски. Мужчины не стали лишним раз травмировать легкие слабого пола кубинским дымом и решили обойтись сигаретами.

Слегка захмелевший Влад пригубил ледяной шотландский напиток:

– После такого ужина – очень кстати. Предлагаю всем выпить на брудершафт и перейти на «ты».

– Да мы уже давно перешли, – заулыбалась Наташа. – Ты разве не заметил?

– Нет. Глория мне до сих пор «выкает», – упрямо качнул головой Рошин.

– Да, верно. В английском сразу и не поймешь, где «вы», а где «ты», – раздумчиво продолжила его подруга, потом задорно обернулась к Глории. – А-а-а, ясно. Влад хочет тебя поцеловать!

– Вовсе не то ты заподозрила! – Влад попытался изобразить на лице гримасу крайней неловкости, по крайней мере, так ему казалось. – Да нет, в смысле – целоваться я не отказываюсь. В хорошем смысле. И только в щёчку.

– Понятно, что в щёчку, мы иного и подумать не могли про тебя, – Майкл освежил рюмки дамам. – Глория, разве не видишь, что нашим дорогим гостям не терпится проникнуть в тайну твоей секретной миссии. Ты сама нам историю поведаешь или желаешь – я начну.

– Начни, любовь моя, – кивнула загадочная горничная.

– Хорошо. Только уж, ребятки, глядите не загрустите – расскажу всё прямо от Ноева ковчега.

– Давай-давай! – воскликнул оживший Рошин. Сыто-пьяная лень куда-то сразу испарилась.

– Смотри-ка, у тебя даже глаза загорелись! – граф закурил новую сигарету. – Два года назад, вернувшись на родину из Петербурга после окончания Академии художеств, я около месяца прожил в родительском особняке, здесь в Лондоне. Скоро мне наскучила светская, а вернее, околосветская жизнь – потому как, никакими обязательствами родители меня не нагружали. Приемы, званые обеды и ужины шли своим чередом, можно сказать, почти параллельно моему бытию. В результате, я с огромным удовольствием уехал в Дорчестер, в наш замок. Поверишь, Влад, раз сто вставал к мольберту, но не родилось ни одной идеи. Что рисовать? Зачем?! Даже натурщицу приглашал, да не одну – думал, что поможет. Какое там! Заканчивались эти сеансы, разумеется, всегда одним и тем же и... нетронутым холстом. Словно всё моё вдохновение, которому прежде хватало маленькой искры и даже подобия – нет, не чувства – обычной похоти, осталось на берегах Невы. Рассматривая свои старые, написанные еще до отъезда на учёбу, картины, я, буквально, поражался – кто это так здорово нарисовал! Несколько длинных и одинаковых недель бесплодных экспериментов по выдавливанию из себя творца закончились нервным срывом. Слава Богу, до сумасшедшего дома не дошло. Не слишком умный психолог посоветовал мне больше общаться, развлекаться и на какое-то время постараться не думать о живописи. Даже не пытаться думать.

Так я и сделал, но без переезда в Лондон, хотя доктор на этом настаивал. Не хотелось мне состоянием своей души беспокоить родителей. Шумные попойки с приезжающими в замок столичными приятелями и девицами неизменно сопровождались мелкими хулиганствами в городке, бешеными гонками на спортивных машинах по местным узким дорогам, стрельбой по пустым бутылкам в самых неподходящих местах. Только высокое положение моего отца спасло тогда от суда. Да еще солидные суммы отступных обиженным, тем или иным способом, горожанам и некоторым жительницам соседних деревенок. В общем, опять всё дошло до крайности. Поэтому длительная поездка в Африку стала для меня неким спасением...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.